

способный дать более верное представление об особенностях их поведения. Американские ученые, изучающие жизнь волков в диких стаях, получили довольно интересные результаты.

По мере приручения собака превратилась в менее агрессивное животное, чем волк. К тому же собака, даже взрослая, больше расположена к играм. Положение и движения хвоста достаточно наглядно отражают общий настрой собаки. Находясь в обществе человека, она большую часть времени весела и дружелюбна, если только не воспитана в страхе к людям. Друг к другу знакомые собаки чаще всего относятся весьма дружески. В присутствии человека собака гораздо чаще машет хвостом, чем в окружении сородичей, и, как я уже говорил, пользуется им в гораздо большей степени, чем волки в своей среде. Правда, сказанное относится к породам, которые имеют возможность свободно размахивать хвостом: собаки, у которых хвост свернут кольцом, не способны вилять им так, как это делают собаки, у которых он длинный, гибкий, поистине «говорящий».

Помахивание хвостом — важный приветственный жест и выражение дружелюбия. Возбужденная собака, вынюхивающая след животного, быстро и резко виляет приподнятым хвостом. Эта картина хорошо знакома охотникам. При выслеживании и поимке полёвок такой тип помахивания характерен для терьеров и такс. Он обычно выражает сильное возбуждение собаки, которая, преследуя добычу, не имеет возможности овладеть ею. Вероятно, в подобной ситуации речь идет о смещенной реакции. Не исключено, что, возникнув в форме смещенной реакции, движения хвоста приобрели сигнальное значение и стали еще более интенсивными. Особенно сильно собака размахивает хвостом в тех случаях, когда ожидает что-то очень приятное от хозяина или от других собак. В подобной ситуации виляние хвостом тоже относится к проявлению дружелюбия.

Сердитое животное, готовое подраться или уже дерущееся, размахивает хвостом очень быстро, при этом хвост находится почти в вертикальном положении; движения им практически подрагивающие. По моим наблюдениям, такие подрагивающие движения хвостом совершает только собака, которая явно сильнее противника и знает об этом.

Другое движение хвостом, наблюдаемое в драке, напоминает движения кошки, готовой подраться, когда она, быстро подергивая хвостом, машет им из стороны в сторону. Похожая картина наблюдается у лисиц, когда они похваляются силой или дерутся. Собака и волк в этих случаях выбрасывают кончик хвоста назад, совершая быстрые подрагивающие движения из стороны в сторону.

Чем увереннее и сильнее чувствует себя одна собака в присутствии другой, тем выше она держит хвост. Но хвост многое говорит о ее настроении и тогда, когда никакой другой собаки поблизости нет. По движениям и положению хвоста можно су-

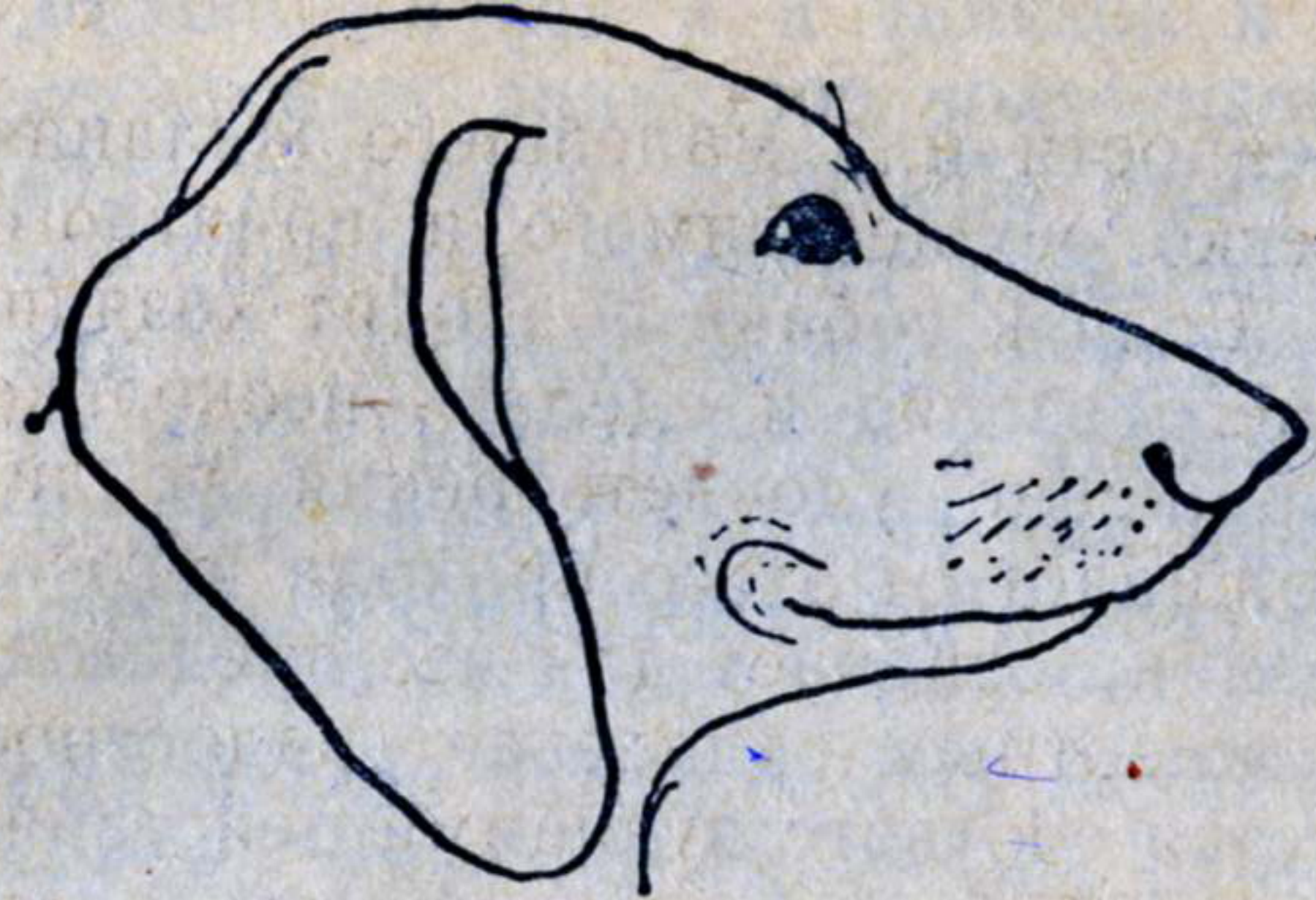
дить об отношении животного к хозяину и к другим людям. Положение хвоста отражает физическое состояние животного. Так, собака, держащая хвост ниже обычного, чувствует себя усталой или больной либо испытывает какое-то «разочарование». Если хвост находится между задними лапами, собака испытывает страх. Налицо готовность к бегству или признаки подчинения другой, более крупной или сильной собаке. Подобным же образом животное ведет себя и по отношению к людям, которых боится.

Помахивания хвостом, как правило, совершаются независимо от того, есть ли поблизости кто-то способный по этим движениям получить информацию о настроении собаки. Другое дело, что само настроение зависит преимущественно от того, какие животные (и человек в том числе) находятся поблизости.

В тех случаях, когда собака объята страхом и принимает при этом соответствующую позу с опущенной задней частью туловища, ее хвост работает быстро, часто в движении участвует только его кончик, иногда хвост лишь подрагивает. Задняя часть туловища может покачиваться в такт помахиванию хвостом. Часто при этом собака держит голову наклонно и совершает начальные движения, имитирующие падение на спину. Полную покорность собаки в такой ситуации выражают неуверенный взгляд, прижатые к голове уши и оттянутые углы рта. Крайнее состояние характеризуется резкими помахиваниями хвоста, зажато между ног под брюхом. Молодые собаки при этом пытаются продемонстрировать желание поиграть, но это делает проявление покорности еще более сильным. Игра как бы служит неким антиподом «высокомерия» и призвана уменьшить агрессивность соперника.

Положение хвоста зависит и от некоторых других ситуаций и состояний. Приводимые ниже примеры относятся к собакам, у которых хвост не свернут в кольцо. Во время еды он вытянут и опущен вниз. Собака, несущая кость, держит хвост прямо, чаще чуть выше, чем во время еды. Возможно, здесь мы сталкиваемся с тем же состоянием животного, что и у собаки, принимающей пищу, но к этому примешивается и стремление защитить находку. Я бы назвал это чувством обладания. Поза собаки почти не зависит от того, есть ли кто-либо поблизости. У суки, спокойно несущей щенка в зубах, хвост вытянут параллельно земле, а голова задрана как можно выше. В такой ситуации даже при малейшем намеке на неприятность, вызывающую злобу, сука поднимает хвост еще выше, а щенка осторожно опускает на землю. Собака, вынюхивающая предмет, не вызывающий у нее агрессивной реакции, часто поднимает хвост вверх. При спаривании сука подставляет кобелю свой зад и убирает опущенный хвост в сторону.

Демонстрируя состояние покорности, собака прикрывает опущенным хвостом задний проход и область вокруг него, «зер-

У собак с подвижной кожей на морде в состоянии полного умиротворения и покоя появляется выражение, напоминающее улыбку. При этом в углу рта образуется складка.

кало». В агрессивном же состоянии она держит хвост высоко и ясно показывает «зеркало» другим особям. Помахивание хвостом — наиболее заметное сигнальное движение собаки. Совершая его, она одновременно способствует и распространению важных для внутривидовых взаимоотношений запахов. Возможно, именно поэтому собаки машут хвостом на разных стадиях развития взаимоотношений.

Другие состояния и их выражение

На собачьей морде отражаются также настроения, не имеющие сколько-нибудь прямого отношения к чувствам озлобленности или страха. Некоторые из них мало понятны человеку и нередко остаются незамеченными, если объектом наблюдений служит незнакомая наблюдателю собака. Внешне такое настроение выражается, например, в комбинации дружелюбия и настороженности либо настороженности, не связанной с беспокойством, обычно характерным для собаки, наблюдающей за далеким незнакомым объектом. Взгляд, положение ушей, мимика (прежде всего детали вокруг рта и глаз), движения хвоста, дыхание и сама поза меняются почти непрерывно. Человеку даже в спокойных домашних условиях трудно, наблюдая лишь за одним из этих факторов, уследить за всеми изменениями собачьего настроения. Но два состояния, наиболее часто проявляющиеся в домашней обстановке, различить легко; одно из них — умиротворенность, другое — игривое настроение, когда собака призывает партнера принять участие в игре.

Характерную для умиротворенного состояния некоторых собак мимику вполне можно назвать улыбкой. При этом у собаки с достаточно мягкой и подвижной кожей в углах рта образуется отчетливо видная складка либо вокруг рта, либо чуть сбоку. В момент настороженности улыбка сразу исчезает. Если собака любит ласку, то при поглаживании улыбка становится более заметной. Еще ярче это проявляется в том случае, если, глядя, одновременно почесывать ей шею или брюхо. Но доволь-

но небольшого чувства неуверенности или малейшего желания животного добиться чего-то легко осуществимого и приятного для себя, как улыбка исчезает. Если к собаке подходит хозяин, то достаточно ей бросить на него взгляд и сделать несколько движений хвостом, чтобы выражение удовлетворения усилилось, даже когда собака и не ожидает от этого прихода чего-то особенного. Если же приход хозяина означает для нее предстоящую совместную прогулку, то животным овладевает радостное ожидание, которое сопровождается соответствующими действиями, зачастую прямым призывом. «Улыбчивая» мимика означает, что собака довольна, даже счастлива. В подтверждение сказанного сошлюсь на поведение моих такс: они «улыбаются» заметнее всего, когда приветствуют кого-либо из членов семьи, вернувшегося после долгой отлучки и взявшего их к себе на колени. При этом они слегка приподнимают морду — что должно служить исходным положением для облизывания лица — и устремляют взгляд к лицу человека, уши направлены назад. Все это сопровождается, кроме того, вздохами. Мои таксы «улыбаются» и в предвкушении момента, когда кто-либо из домашних пойдет на кухню готовить еду. При этом уши у них поднимаются, как в наблюдательной позе, на лбу образуются морщинки. Следовательно, такое состояние является слабым призывным действием.

Поза и способ выполнения тех или иных движений тоже довольно ясно указывают на настроение собаки. Так, демонстрируя «высокомерие», собака совершает самые обычные движения медленнее и как бы с некоторым преувеличением. Особенно это заметно, когда сближаются два кобеля. Нечто подобное просматривается и при приближении кобеля к интересующей его суке, находящейся в состоянии течки. В ситуациях, близких к драке, активная демонстрация движений может смениться полной неподвижностью. Мышцы в таком состоянии напряжены, собака ворчит, а если она к тому же уверена в собственном превосходстве, то не спускает глаз с соперника. В противоположной ситуации собака стоит на месте в позе, демонстрирующей слабость. На этом я подробнее остановлюсь в разделе, посвященном иерархии.

Не только щенки и молодые собаки, но и взрослые животные совершают действия, которые с полным основанием можно рассматривать как игру. Призывая друг друга к игре, собаки выполняют легко распознаваемые движения и издают весьма характерные звуки. Как сами движения, так и сопровождающий их лай показывают, что в призыве к игре много такого, что, по существу, относится к действиям, характерным для агрессивности или подчиненности. Такие действия связаны с максимальной бдительностью. Игры собак я подробнее рассматриваю в разделе, посвященном развитию щенков. Сейчас же отмечу, что собака, призывающая к игре другую, более мелкую и слабую,

обычно приподнимает уши и держит их ближе друг к другу чем при агрессивном состоянии, тогда как слабая или небольшая собака, изъявляя желание поиграть с более крупной и сильной, оттопыривает уши назад. Но обе ситуации характеризуются бесстрашным взглядом, а положение хвоста не указывает на явную покорность.

Могут ли собаки понимать друг друга неправильно?

У собак чрезвычайно сильно развита способность выражать состояние своих чувств посредством мимики и связанных с этим различным положением ушей, а также звуковых сигналов, движений и поз. Общественная жизнь собак основывается на врожденных реакциях и на острой наблюдательности, в то время как для людей средством чрезвычайно эффективного, хотя и несколько замедленного способа общения между собой является продукт нашего мышления — язык, использующий символическое значение слов.

Я уже упоминал о том, что мы не всегда в состоянии уловить или понять то или иное действие собаки. Но часто ли бывает, чтобы само животное оказалось не в состоянии точно оценить действия другой особи? Не вызывает сомнений, что и собаки, морды которых покрыты длинным пушистым шерстным покровом, а уши большей частью утопают в шерсти, способны дать почувствовать свое настроение другим собакам, и те в свою очередь, как правило, реагируют на своих «лохматых» сородичей адекватно. Значит, одной собаке не требуется обращать столь большое внимание на выражение морды или на деталь действия другой, так как уже по общей картине поведения можно получить достаточные сведения о настроениях «подруги».

Наиболее выразительной «визитной карточкой» рассерженной собаки является, вероятно, оскалывание зубов. Тем не менее одна собака замечает рассерженное состояние другой по общему характеру движений, даже если не слышит ее голоса и не видит мимики. Однако отсутствие голосовых сигналов затрудняет правильное истолкование. Обычно надежность расшифровки увеличивается за счет многократного повторения угрожающих действий, что предотвращает превращение обстановки в опасную, несмотря на то что какое-то выражение и осталось для противной стороны неясным или показалось противоречивым. Для подтверждения своего настроения собака может оскалить зубы, глядя на другую собаку, к которой в обычных условиях относится дружелюбно. В ответ та твякнет разок другой, как бы осуждая столь неожиданный демарш, но ни в коем случае не сочтет оскал зубов за проявление злобы. Собаки подчас демонстрируют элементы агрессивности по отношению к своим «подругам», однако не вступают в драку.

Взаимоотношения собак во многом определяются теми представлениями, которые они получили друг о друге ранее. Но и прежде незнакомые собаки, как правило, истолковывают настроение соперника довольно верно. Правда, существует возможность ошибиться, часто сопровождающаяся неприятными последствиями. Она заключается в том, что одна собака, получившая определенное представление о другой в результате не самого приятного для себя опыта, опыт этот не забывает. Поэтому она склонна и в будущем относиться ко всем особям данной породы так же, как к обидчице, доставившей ей неприятности. Конечно, возможна и обратная картина. Так, молодая собака нередко считает всех представителей какой-то породы подходящими партнерами для игры лишь на том основании, что какой-то пес из этой породы ее хороший друг. Подобная ошибка обычно не является роковой. Дружеский призыв к игре незнакомая собака обычно просто оставит без внимания, зато на неожиданное нападение в свою очередь ответит нападением!

Обе мои таксы (суки) при виде ирландского терьера всякий раз испытывали страх. Они не могли преодолеть его, хотя среди представителей этой породы на их пути встречались и дружелюбно настроенные кобели. Между тем оба кобеля таксы относились к тем же ирландским терьерам гораздо дружелюбнее. Причина страха сук заключалась лишь в том, что много лет назад один ирландский терьер (сука) несколько раз набрасывался на них. Подобные уроки сохраняются в собачьей памяти надолго и с биологической точки зрения, безусловно, полезны для каждой особи, хотя владельцам собак они могут доставлять немало неприятностей. Ведь случается, что две собаки, совместное содержание которых представляется крайне желательным, не уживаются, испытывая постоянное озлобление друг к другу. Такое поведение скорее всего объясняется тем обстоятельством, что породы собак очень различны по внешнему виду. Не исключено, что по собачьему «разумению» незнакомая порода приравнивается к другому виду животных, к которому собаки всегда относятся отрицательно. Иными словами, внешний вид представительницы другой породы, напоминающий о чем-то малоприятном, для собаки может оказаться важнее других характеристик, тогда как в обычной обстановке он не играет существенной роли.

РЕАКЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ ДОБЫЧИ И ДОБЫВАНИЕМ ПИЩИ

Различные способы преследования добычи

Интерес волка к поимке добычи сохранился почти неизменным лишь у некоторых пород собак, хотя и у них охотничий инстинкт не столь ярко выражен. Большинство пород активно

шествующий у нее интеллект. В этой связи особый интерес приобретает книга Е Бергмана, цель которой — дать «современное научное и вместе с тем доступное представление о поведении собак, об их отношении к окружающему миру». Он пишет: «Из всех животных собака — лучший друг человека... Радость, а может быть, даже счастье человека, владеющего собакой, не зависит от непосредственного ее назначения... Собака, как, пожалуй, ни одно другое животное, способна наполнить недостающим теплом жизни одиноких людей. И в этом смысле ее роль трудно переоценить. ... Чем лучше мы научимся понимать собаку, тем крепче станет наша дружба. Вот почему постичь поведение собаки важно для нас и для самой собаки».

Книга «Поведение собак» начинается интересным разделом, названным «Мироощущение собаки». В нем дается описание отдельных компонентов этого мироощущения, важнейшими из которых являются обоняние, зрение и слух. Автор доходчиво рассказывает об ощущениях собак, получаемых с помощью каждого из этих органов чувств. И хотя собаки хорошо видят и превосходно — значительно лучше, чем человек, — слышат и могут воспринимать высочайшие звуки, все же главное для них чувство — обоняние, которому они доверяют больше, чем зрению или слуху. Ведь известно, что у старых собак сначала ослабевают слух, зрение и лишь в последнюю очередь — обоняние; потеря обоняния означает скорое угасание животного.

Автор весьма убедительно доказывает (правда, на довольно скудном материале), что собаки способны различать цвета, хотя до последнего времени принято было считать, что собака воспринимает мир только в черно-белом изображении и различает не цвет, а лишь интенсивность окраски. Вместе с тем отметим, что в жизни собак цвет не играет большой роли.

Из раздела, посвященного анализу чувств собаки, вытекает очень важный вывод о том, что при воспитании собаки не следует применять сильные болевые меры наказания. По мнению автора, «неразумное наказание болью легко может привести к негативному результату — ухудшению отношений хозяина и собаки. Собака станет боязливой и непослушной». Бергман доказывает, что принуждение собаки путем наказания или наказания за проступок не приводит к желаемой цели. На этот тезис следует обратить особое внимание, так как в практике не только воспитания, но и дрессировки зачастую применяют болевые наказания собак. Нам тоже кажется, что когда человек бьет непослушную собаку, он просто расписывается в своем неумении ее правильно воспитывать и наглядно (к сожалению, не на себе) демонстрирует это неумение.

Собака подвержена различным настроениям, которые во многом напоминают настроения человека. Подчас она проявляет, казалось бы, разумное действие, однако в его основе всегда лежат инстинкты. Интересно, что различным породам

собак присущи своеобразные врожденные способы поведения, и поэтому обобщение наблюдений за поведением представителей одной какой-то породы может привести к некоторым искажениям. Внимательное изучение данного раздела книги приводит нас к мысли, что «собаку вообще» лучше всего изучать на примере особей, находящихся ближе всего к своим далеким предкам по морфологическому строению, образу жизни и применению, таких, как охотничьи лайки и их лайкоподобные сородичи.

Инстинкты и их воздействие объясняются в разделе «Врожденные типы поведения собак». Содержание этого раздела дает ключ к пониманию поведения собак, основанного на инстинктах, а не на обучении.

Много внимания автор уделяет звуковым сигналам собаки, способности выражать свое настроение и действия посредством мимики, демонстрации цветных пятен, движений хвоста. Ознакомившись с этим разделом, почти каждый любитель собак, если и не откроет для себя чего-то совершенно нового, то по крайней мере сумеет систематизировать свои познания и научится обращать внимание на некоторые элементы поведения собаки.

Очень интересны описания состояний собаки и действий, которыми эти состояния выражаются: агрессивности, страха, игры. Бергман объясняет способы преследования добычи собакой и возникающие при этом реакции. Проводя, как и в других местах книги, параллель с поведением волка, он связывает охотничий инстинкт собаки с добыванием пищи. Однако у современных охотничьих собак эта цепь действий и отношений уже давно разорвана человеком. Первоначально у собак все происходило так же, как у волка, но в процессе приручения и выведения пород собак их охотничьи инстинкты использовались для указания, задержания и даже поимки дичи, но не для добывания пищи. Теперь охотничья собака на охоте действует совместно с человеком и, как правило, добычу не ест. И совершенно правильно поступают охотники, которые перед охотой хорошо кормят своих собак, чтобы у них хватило сил на целый день. Охотничью собаку привлекает сам процесс охоты, у нее сохранилась сильная охотничья страсть, но этот процесс уже давно не связан с добыванием пищи.

Большое внимание в книге уделено описанию иерархических взаимоотношений. Четко объяснены отношения между собаками одного пола, суками и щенками, показано иерархическое превосходство суки над кобелями. Интересно, что у собак имеются врожденные сдерживающие комплексы, которые не позволяют сильному нападать на слабого, если тот своими позами выражает подчинение, а также относиться агрессивно к щенкам и очень молодым собакам.

Из рассматриваемого раздела читатель может не только

интересуется лишь определенным видом охоты; то же относится к выслеживанию, преследованию и поимке определенной добычи. Есть породы, у которых инстинкты, связанные с охотой и добыванием пищи, развиты весьма слабо. Однако инстинкт добывания пищи наличествует всегда, пусть и в ослабленном виде.

Надо полагать, та или иная интенсивность охотничьего инстинкта у собак различных пород явилась результатом целенаправленного отбора, но, бесспорно, условия, в которых живут собаки — спутники человека, — тоже оказали свое влияние. Вместе с тем мы можем сказать, что у всех собак сохранились рудименты охотничьих инстинктов, присущих волку. Даже те из них, которые обычно интересуются лишь определенной дичью и определенными способами охоты, в силу случайных обстоятельств вдруг проявляют интерес и к другой дичи, причем настолько сильный, что это идет вразрез с намерениями охотника. Но путем целенаправленного воспитания собаку можно от этого отучить.

Отдельные представители истинно охотничьих пород могут проявлять весьма слабый интерес к охоте и к добыванию пищи. Такие особи, выйдя на след или заметив дичь, на мгновение проявляют охотничью реакцию, которая, однако, быстро угасает. Тем самым реакция не получает дальнейшего развития, хотя сам по себе раздражитель настолько сильный, что у большинства представителей данной породы вызывает необычайную страсть к охоте. Такое отклонение скорее всего объясняется тем, что при выведении породы человек не уделял достаточно внимания поведенческим характеристикам собаки, оценивая ее в первую очередь по экстерьеру. На основании внешнего фактора, выражающего состояние собаки, принималось решение, каким особям будет дано право продолжать род; в результате поведенческие характеристики животного отходили на задний план. Сейчас даже рядовым любителям ясно, что при выведении охотничьей породы нельзя пренебрегать охотничьими повадками собаки. Полагаю, нам более не следует опасаться, что при селекции поведенческие характеристики сочтут второстепенными.

Не исключено, что у некоторых пород охотничьи инстинкты сохранились в полном и сильном виде; собаки таких пород в охоте не уступают волку, если только в молодости они оказывались в тех же условиях, что и молодой, живущий на воле волк. Даже у волка добывание пищи не достигается полностью за счет инстинктов, ему приходится немало учиться и полагаться на опыт старших: молодой волк набирается «ума-разума» в семейной, а затем в зимней стае. Основные инстинктивные действия, необходимые для охоты, — способ захвата добычи, ее выслеживание и преследование, — безусловно, врожденные. А тот факт, что у самой типичной комнатной собаки прослежи-

ваются охотничьи навыки, объясняется тем, что инстинкты, связанные с добыванием пищи, — одни из самых важных и устойчивых элементов поведенческих реакций всего вида.

Обычно собакам не разрешают набрасываться на крупных млекопитающих. Однако породы, которые используют, чтобы отгонять павианов с банановых плантаций, по некоторым данным, ведут себя примерно так же, как стая волков, преследующая оленей. К счастью, необходимые для успешной охоты инстинктивные действия, такие, как перегрызание горла или захват жертвы за задние конечности, у собак редко проявляются в полную силу.

Судя по всему, склонность собаки лаять на загнанного зверя зародилась как эффективный способ организации поведения членов стаи при совместной охоте на крупных животных. Один из членов стаи лает на зверя, тот, естественно, реагирует на это повышенным вниманием. Тем временем остальные хищники получают возможность совершать неожиданные решительные нападения; им удается укусить зверя за конечности или порвать ему брюхо. Облаивание сидящей на дереве птицы или белки — занятие для взрослого опытного волка не очень подходящее и совершенно бесполезное. Только под целенаправленным влиянием человека подобное поведение именно для собаки приобрело практическое значение. Путем отбора человек повысил интерес собаки к такого рода действиям, равно как и ее склонность лаять на недоступную для нее дичь. На эволюции лая, возможно, сказался еще один фактор: собака, пользуясь различными звуками, в том числе лаем, реагирует на что-то для себя привлекательное, к чему она не может даже приблизиться, не говоря уже о том, чтобы завладеть им.

Лайки, например, часто лают даже при отсутствии раздражителей, вызывающих страх или агрессивность. Как следует из самого названия этих пород, это — лающие охотничьи собаки. Обычно животное быстро ассоциирует собственное поведение с событиями, за которыми последовали выстрелы в глухаря или белку — объекты облаивания. Собака лает до подхода человека, а тот, застрелив дичь, вознаграждает своего четвероногого друга. Взяв за отправную точку склонность собак к лаю и их способность связывать между собой отдельные события, человек путем отбора вывел породы с ярко выраженной способностью облаивать загнанную дичь. А то, что такие собаки часто лают и тогда, когда от этого нет никакой пользы, а, наоборот, даже вред, следует рассматривать как нежелательный побочный результат селекционной работы.

Способность собак оставаться неподвижно на месте, или, как говорят, умение «стоять», когда приходится вынюхивать или высматривать дичь, проявляется по-разному. Для волка подобные действия значат не очень много и не столь

уж обычны, хотя эта особенность поведения, послужившая основой для выработки такой стойки, присуща, по-видимому, всем псовым. Вынюхивая какое-то животное, которое, судя по раздражителям, находится совсем близко, собака останавливается, пытаясь локализовать источник раздражения в основном по запаху, но подключая и другие органы чувств. После этого она начинает продвигаться к добыче, местонахождение которой ей удалось установить. Все это должно производиться с большой осторожностью, чтобы не потревожить добычу, которая может скрыться. И наконец — быстрое нападение и захват добычи. Эту последнюю стадию человек попытался устранить, натаскивая собак на мелкую пернатую дичь, тогда как подкрадывание к добыче было доведено до максимально возможной эффективности и осторожности. На приближение хищника лесные куриные и некоторые водоплавающие птицы, главным образом самки с выводками, отвечают просто: они остаются на месте в полной неподвижности. Такая реакция представляется наиболее целесообразной, поскольку способность хищника находить подранка, птицу, насиживающую кладку, или застывшего в неподвижности зайца весьма ограничена, тем более что запах от неподвижного зверя едва уловим.

В тот момент, когда хищник попытается совершить нападение, неожиданное быстрое бегство жертвы может иметь наибольшие шансы на успех. Определение местонахождения сравнительно редко бывает настолько точным, чтобы хищник, нападавая, мог уверенно овладеть добычей. Охотник, сопровождаемый верным помощником собакой, может без труда подстрелить неожиданно взлетевшую в воздух птицу. Если бы хищники обладали такой же способностью убивать внезапно взмывшую ввысь дичь, то не получила бы своего развития реакция замирания жертвы на земле в момент опасности. Зная индивидуальные особенности характера собак, человек постарался наиболее эффективно использовать их поведение в данной ситуации.

Увидев где-нибудь неподалеку или в непосредственной близости от себя добычу, и волк, и собака часто принимают позу, выражающую готовность к нападению. Они могут даже принять лежачее положение, следя за движениями жертвы, пока последняя не приблизится настолько, что на нее можно будет быстро напасть. Такое поведение характерно и для собак, которых не используют на охоте. Любопытно, что и у собаки, и у волка с этим можно встретиться также во время игры. При встречах двух собак поза подчас приобретает смысл «бахвальства» и приготовления к нападению.

Собака, волк и особенно лиса ведут себя во время охоты на грызунов следующим образом. Вначале они, подняв уши и внимательно прислушиваясь, определяют местонахождение добычи. При этом животные наклоняют голову то в одну,

то в другую сторону; взгляд тоже очень внимательный. Грызуна увидеть непросто — он движется в траве, под мхом, в проходах, сделанных в снегу. Определив по возможности точно положение жертвы, хищник неожиданно подпрыгивает вверх и падает, держа морду довольно низко и прижав к ней лапы, примерно туда, откуда слышался голос грызуна. Нередко преследователю удается сразу же схватить добычу, порой же он только спугивает ее, и она, совершая быстрый прыжок в сторону, обнаруживает свое местонахождение шорохом.

В литературе, посвященной поведению псовых, быстрый бросок для поимки обнаруженного по слуху мелкого грызуна называется «прыжком за мышью». Ухватив жертву зубами, собака, подобно волку, основательно ее встряхивает. Обычно именно это движение, а не сам укус убивает животное. Такое же встряхивание служит недвусмысленным способом выражения превосходства при выяснении отношений между двумя собаками. Более крупная и сильная собака, схватив соперницу за холку, трясет ее. Собака, ставшая объектом такого обращения, обычно подчиняется и не делает попыток ответить нападением. Кстати, человек этим же способом может показать заупрямившейся собаке, кто же все-таки хозяин. Однако не следует превращать это в обычный метод воспитания, поскольку и сами собаки прибегают к нему в качестве крайней меры. У играющих животных энергичное встряхивание игрушек — вполне обычное явление; его можно рассматривать отчасти как элемент поведения, относящегося к «прыжку за мышью», а отчасти всего лишь как игривость или некое свойственное игре «бахвальство».

Жертва, неожиданно возникающая рядом с собакой и ударяющаяся в бегство, возбуждает в собаке реакцию быстрого преследования. Внезапное смещение в сторону животного (или любого предмета) является тем раздражителем, который вызывает преследование. Такое врожденное поведение нередко вызывает у собаки реакции, отрицательно сказывающиеся и на ней самой, и на хозяине. Случается, что при виде бегущего ребенка собака, до того разгуливавшая спокойно, вдруг совершает прыжок вслед ему. В результате вполне смирная по характеру собака может укусить беззащитного малыша. Склонность плохо воспитанных собак набрасываться на проносящийся мимо мотоцикл или мчаться за ним с громким лаем связана, по-видимому, с тем же врожденным стремлением к погоне за добычей: движущийся предмет подразумевает погоню, а погоня в свою очередь — желание схватить. Владельцу собаки следует знать, что даже у самых послушных комнатных собак имеется скрытая склонность к подобным действиям.

Другие действия собаки, связанные с охотой, интересны в первую очередь с точки зрения охотников. Они достаточно подробно рассматриваются в специальной литературе. А поскольку

ку эти вопросы не имеют решающего значения для понимания врожденных или приобретенных поведенческих инстинктов собаки, я счел нецелесообразным включать их в данную книгу.

Перенос пищи в сторону

Отношение собаки к пище и ко всему съедобному в поведенческом плане содержит ряд интересных особенностей, способных прояснить неизменность инстинктивных действий, а также характер вызывающих их ситуаций.

Получив кусок мяса или какой-то другой пищи, собака, прежде чем приступить к трапезе, почти всегда относит его в сторонку. Одного присутствия человека, давшего мясо, а значит, доброжелателя, достаточно, чтобы вызвать эту реакцию. Если же рядом находится другая собака, то реакция еще более выражена. Стоило мне дать обеим своим таксам одновременно кости и колбасу как та, что послабее, отходила от меня и от другой собаки гораздо дальше, чем более сильная. Смысл такой реакции — гарантировать себе возможность спокойно поесть. Обратимся за примером к волкам: когда стая раздирает на части тушу крупного животного, слабый вынужден уступить лучший кусок более сильному, если он только не успел отнести свою добычу в сторону. По наблюдениям, собака или волк, поглощенные лакомым куском, не стремятся завладеть куском соседа; это происходит лишь в тех случаях, когда соседу досталась явно большая доля или когда особь слабее и не способна постоять за себя. Большинство собак затевают ссору, если их кормят из одной миски, и воспитание тут едва ли поможет. Собаки часто ссорятся и тогда, когда их кормят из разных мисок, но миски эти стоят так близко друг к другу, что можно наблюдать за соседом. Ссора отчасти и вызвана тем, что животному не удается оттащить свою миску подалее от любопытных глаз. Если перед собакой поставить открытую банку с консервами, то, прежде чем приступить к еде, она непременно отойдет на несколько метров в сторону. Чем крупнее съедобный предмет, тем быстрее она попытается перейти с ним в спокойное место.

Когда я бросаю попеременно кобелям таксам что-то вкусное, они не ссорятся, каждый послушно ждет своей очереди даже тогда, когда кусок, предназначенный одному, падает на землю поблизости от другого. Это объясняется тем, что маленькие кусочки не так легко перехватить; к тому же обе собаки сильно возбуждены ожиданием, по моим движениям они всякий раз точно определяют, кому предназначен кусок. Во всем остальном, что касается еды, более крупный и сильный сын испытывает явную покорность по отношению к отцу и не решается приносить пищу рядом с ним.

Мясо и прочее съестное хищники закапывают в землю или прячут каким-нибудь другим способом преимущественно, чтобы избавиться от соперничества сородичей. Кроме того, закапывание мяса или останков мертвых животных снижает опасность массового размножения личинок мух. Крупные представители семейства кошачьих даже тяжелые туши втаскивают порой на деревья. Среди птиц наших широт стремление спрятать добычу присуще вороновым. Пряча излишки съестного, хищники пытаются как-то уменьшить конкуренцию с падальщиками. Остатки пищи, зарытые в землю волком, ворон или орлан обнаружат не сразу. В то же время их запах привлекает внимание млекопитающих, включая других волков. Запрятанная глубоко под землей добыча не распространяет такого зловония, как пищевые остатки, разлагающиеся на ее поверхности.

Проголодавшаяся собака обычно не прячет кости или другую пищу, она делает это, лишь когда немного насытится. Но бывает, что собака, которой одновременно дали несколько костей, сразу не приступает к еде, а прячет кости одну за другой, хотя давно ничего не ела. Более того, если собаке часто давать кости, она настолько прочно связывает их получение с запрятыванием, что, едва получив кость, приходит в возбуждение. В таком случае даже голодная собака будет ее прятать. Сытая же она не станет этого делать, а охотнее уляжется рядом с костью и не будет с ней возиться.

Припрятывание костей и другой пищи проявляется у собак независимо от того, есть ли поблизости соперница. Мне довелось наблюдать, как в присутствии другой собаки обладательница кости не спешила припрятать свою добычу. Здесь налицо явное противоречие между припрятыванием кости (пищи) и ее защитой. Защита кости чаще оканчивается ее поеданием: собака, охраняющая спрятанную кость, выкапывает ее и обычно тут же поедает.

Собака, намеревающаяся спрятать кость, осторожно берет ее в зубы и с целенаправленным видом начинает медленно продвигаться, чаще всего распрямив хвост, но не поднимая его слишком высоко. У прячущей кость собаки могут проявиться агрессивные черты: так, мой скотч-терьер демонстрировал их вполне недвусмысленно, таксы — не столь заметно. Тем не менее можно утверждать, что чаще всего инстинкт запрятывания оказывается сильнее агрессивности. Если же агрессивность достигает такого накала, что шерсть на спине собаки встает дыбом, желание спрятать кость гаснет. И тогда собака бросается ее защищать или попросту съедает.

Инстинкт запрятывания проявляется главным образом во время еды или при получении любимого кушанья. Удивительно, но большинство собак никогда не закапывают в землю пищу,

Скорее бы спрятать кость! Собака явно настороже, у нее может проявиться агрессивность, но тогда процедура запрыгивания затягивается.

которую, с их точки зрения, можно назвать «искусственной». Наибольшее желание запрыгать вызывают крупные сырые кости и куски мяса, которые не умещаются во рту. Следовательно, основным побудительным мотивом запрыгивания являются размеры: животное не в состоянии сразу съесть всю находящуюся во рту пищу, значит ее надо отнести в сторону, чтобы не привлечь внимания соперников. Небольшие лакомые кусочки собака даже в присутствии соперников поедает мгновенно. Вместе с тем она часто прячет пищу, которая разделяется без труда, но во рту не умещается, например рыбешку типа крупной салаки. Однако я никогда не видел, чтобы собака зарывала в землю хлеб или растительную пищу, приготовленную человеком, и даже колбасу (хотя, по имеющимся данным, последнее время от времени все же случается). Особенно сильно стимулируют запрыгивание куски сырого мяса и вообще любой пищи с запахом мяса. По-видимому, тут отчасти действуют те же факторы, что и при защите пищи. Но характер этих действий не обязательно связан с аппетитом собаки.

Некоторые собаки с удовольствием едят шоколад. Младшая моя такса была большой его любительницей. Еще щенком она предпочитала шоколад мясной пище. Исключение составляли лишь очень хороший фарш и рагу из печени. Мимика и поведение таксы недвусмысленно говорили, что ей нравится больше всего. Однако кусок шоколада никогда не вызывал реакции защиты. Я мог даже выхватить шоколад у нее изо рта, не вызвав неодобрения, хотя, конечно же, она собиралась проглотить его как можно скорее. С другой стороны, она не давала отнять у себя старую высохшую кость, пролежавшую на дворе свыше года. Такса относилась к моим действиям так же, как к подобным действиям своей матери: если та отнимала шоколад, дочь молча сносила это, если кусок мяса — принималась сильно вор-

чать, но, чувствуя превосходство матери в силе, даже в такой ситуации не осмеливалась сопротивляться.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод: спрятать или защитить собака главным образом старается натуральную мясную пищу. Припрыгивание вызывается и тем, что собака, пока кусок у нее во рту, не в состоянии надежно уберечь его от постороннего глаза, в первую очередь от соперниц. Наблюдая своих такс, я установил одно явное исключение из этого правила: они энергично прятали (или пытались спрятать) маленькие карамельки, к которым вообще-то не испытывали пристрастия. Нет ли и в обычном запрыгивании чего-то похожего? А может, выкопанная из земли кость вкуснее свежей?

Сам процесс запрыгивания — наиболее характерный пример ряда инстинктивных движений, которые нетрудно распознавать и уж совсем просто обнаруживать. Первый этап запрыгивания — поиск подходящего места. Какое место выбрать? Выбор велик, годятся самые разные места, причем даже не обязательно подходящие для успешного совершения действия. Главное, чтобы было сильное стремление припрыгать! На открытом воздухе собака может практически сразу отыскать нужное место. Она роет ямку, и если место ее не удовлетворяет, ищет новое, пока не найдет местечко, где рыть легко. Скорее всего, она старается найти более удаленные места, копает преимущественно вблизи камней или под тенистыми деревьями — в корневой системе всегда отыщется маленькое дупло, и его можно будет углубить. Но собака старается припрыгать кость и в хозяйском доме, причем обычно в явно неподходящих местах: с костью в зубах она может зайти, например, за шкаф и попытаться копать там передними лапами. А то вспрыгнет на кровать или в кресло и там начнет производить те же действия — лишь бы мебель стояла где-нибудь в стороне и была мягкой.

Ключевыми раздражителями на втором этапе запрыгивания, собственно копания, являются защищенность места и наличие мягкого субстрата. В мягком грунте собака небыстрыми, но энергичными движениями вырывает ямку — чтобы в нее входила хотя бы часть морды, — и опускает туда кость. Пока роет, держит кость около передних лап: «сокровище» нельзя упускать из виду ни на мгновение. Работая мордой, собака запикивает кость как можно глубже, прижимая ее носом, и, если потребуется, передвигает вбок, но лапами при этом не пользуется. И даже положив кость на относительно твердое основание, скажем на коврик, она по-прежнему прижимает и передвигает ее мордой.

Следующий этап — закапывание ямки. И опять это делается одной мордой. Собака засыпает кость землей с краев ямки и пространства вокруг, причем никогда не берет «материал» в рот, а просто сгребает мордой все, что попадет — рыхлую землю, мох, листья, — в радиусе не более полуметра. И так до

Такса охраняет спрятанную кость. Морда повернута слегка в сторону от потаенного места, но взгляд направлен точно туда. При приближении незнакомца шерсть на спине собаки встает дыбом.

тех пор, пока не перестанет касаться мордой кости. Время от времени собака как бы пробует, хорошо ли прикрыта кость, носом надавливая на потайное место. Неважно, если кость еще видна. Бывает, конец длинной кости так и остается торчать из земли: просто собака, ткнув мордой в очередной раз, не почувствовала кость там, куда ее зарывала. Но обычно она засыпает ямку так тщательно, что очень трудно обнаружить тайник. На коврике, кресле и кровати собака пытается упрятать кость точно так же, как «на природе», только ее действия не приносят результата: даже мягкий коврик не удается мордой набросить на кость. Животное никогда не пытается накрыть кость краями коврика, а находясь в кресле или на кровати, набросить на нее подушку. Весь этот процесс — наиболее типичный набор инстинктивных движений, отдельные его компоненты в определенной последовательности проявляются и тогда, когда оказываются безрезультатными. Потерпев неудачу в одном месте, собака пытается спрятать кость в другом или принимается ее грызть. Пока сохраняется хоть какое-то стремление спрятать кость, собака ее не оставит. В таком состоянии обычно даже послушная собака не всегда откликается на зов, напротив, еще энергичнее принимается за дело — правда, в том случае, если человек к ней не приближается. Порой собаке удается спрятать кость, скажем, в кровати, что вряд ли радует хозяев. Тем не менее она будет неоднократно повторять запретное действие. Стремление к этому у нее настолько сильно, что его не останавливает даже наказание.

Строение тела собаки вполне позволяет ей носить материал для засыпки из другого места, если подходящего нет поблизости. Но она никогда этого не делает. Отсутствие такой способности, возможно, объясняется тем, что новый материал будет пахнуть иначе, чем тайник, и это наведет на него других собак.

Инстинктивный характер запрыгивания пищи выявляется также на примере некоторых реакций собак (при условии, что животному мешают делать запрыгивающие движения). Если в то время, когда собака роет ямку или засыпает кость землей, ее потревожить, то она скорее всего перенесет кость в сторону и тут же продолжит прерванное занятие. И будет делать это,

не обращая внимания на человека, стоящего в нескольких метрах от нее и наблюдающего за ее хлопотами. Только если доверие к человеку исключительно велико или, наоборот, животное совершенно равнодушно к нему, оно не отреагирует на его появление и будет продолжать копать. При приближении другой собаки обладательница кости чаще всего берет свое «сокровище» в зубы и, отойдя чуть подальше, продолжает начатое. Пришедшая собака, если она сильная, может отобрать кость, после чего сама начнет ее грызть или опять-таки прятать.

В большинстве случаев собака, спрятавшая кость, остается на месте хотя бы на несколько минут, чтобы охранять тайник. Она укладывается у потаенного места, положив голову рядом с зарытой костью, морда слегка повернута от тайника, но взгляд направлен точно туда. По всей видимости, обманная манера лежать с мордой, повернутой в сторону, связана с тем, что обычно мордой собаки указывают друг другу направление интересного объекта.

В запрыгивающих действиях очень мало индивидуальных отклонений. По существу, разница лишь в расстоянии, на которое отступает собака от человека или сородичей, прежде чем начать рыть ямку, и в том, насколько активно она защищает кость. К последнему относится склонность убирать кость из ямы в разгар работы. В этом случае решающими факторами становятся агрессивность собаки и характер отношений с соплеменниками. Моя младшая такса никогда не прятала кость в присутствии матери, между тем как мать спокойно занималась этим даже в том случае, если дочь находилась рядом. Самая первая моя такса не прятала кость при человеке и всегда отчаянно защищала не только тайник, но и территорию в радиусе до трех метров. При этом она демонстрировала сильную агрессивность и по отношению к человеку, хотя по характеру была мягкой и в других обстоятельствах никогда не оказывала сопротивления моим домочадцам. Зато скотч-терьер прятал кость где придется и никогда не проявлял агрессивности к членам семьи вблизи потаенного места. Таксы, которые жили у меня позднее, не бросались на людей, но стоило кому-нибудь из нас приблизиться к охраняемой территории, как обе суки начинали ворчать, шерсть у них на спине поднималась. Кобели же при появлении людей спокойно выкапывали кость из земли и переходили на другое место.

Агрессивные действия, связанные с запрыгиванием костей или пищи, показывают, что собаки, занимающие «высокое положение», гораздо спокойнее реагируют на те или иные ситуации и факторы, которые у собак, стоящих в иерархической лестнице ниже, вызывают состояние «боевой готовности».

Собака помнит несколько дней, а иногда недели и месяцы, где спрятана кость. Порой будучи в игривом настроении, наглодавшись или при появлении другой собаки хозяйка тайника

подбегает к нему, вытаскивает кость и начинает грызть. Очевидно, необычность ситуации или состояния заставляет собаку вспомнить о «кладе». Именно факт наличия спрятанной кости играет в этом случае решающую роль. К пустому тайнику животное не возвращается. Запах кости из тайника не столь существен — в противном случае любая другая собака легко находила бы путь к нему. Животному приходится иногда пробежать больше сотни метров, чтобы забрать кость.

КАК СОБАКА СОДЕРЖИТ СЕБЯ В ЧИСТОТЕ

Действия, направленные на поддержание чистоты, просматриваются у собаки без труда, но довольно часто животное применяет их как компоненты других типов поведения.

Намокшая собака энергичными движениями стряхивает воду с шерсти. Но то же действие выступает в качестве смещенной реакции в тех случаях, когда ничто не раздражает кожу собаки и не воздействует на ее шерсть. Облизываясь, собака удаляет воду. Первым делом она лижет лапы. Мокрая собака с удовольствием валится на бок или на спину и трется о мягкие сухие предметы.

Собака, как правило, не отряхивает избирательно только заднюю часть туловища, или же хвост, или лапу. Даже когда намокает лишь хвост и зад, собака встряхивает вначале голову или по крайней мере переднюю часть тела. Отсюда движение как бы распространяется назад. Правда, в этом общепринятом правиле я обнаружил одно исключение: мой младший кобель таксы умеет встряхивать только заднюю часть тела и чаще всего именно так и поступает; у него это получается очень легко. Кошка (или любой другой представитель семейства кошачьих) довольно ловко стряхивает воду даже с одной лапы; при этом остальная часть ее тела остается неподвижной. Собака может прервать встряхивающее движение так, чтобы в нем участвовала только голова (или голова и передняя часть туловища). В таких случаях процесс встряхивания не распространяется на зад и хвост.

Простое встряхивание головой может означать, что в ухо собаки попала инфекция. Стряхивающее движение, вызванное болезненным раздражением, не распространяется на тело. Перед тем как произвести такое движение, собака нередко слегка наклоняет голову, при этом шея находится чуть ниже обычного. Перед стряхивающим движением для удаления воды собака, конечно же, вытягивает шею, но не наклоняет голову набок. Вытянутая шея и выставленные вперед передние лапы — легко узнаваемые признаки начального движения встряхивания.

Встряхивание происходит под влиянием и других внешних раздражителей, то есть не только при намокании шерсти. После

пребывания на улице в холодную погоду собака, едва очутившись в теплом подъезде, встряхивается. К встряхиванию животное прибегает и тогда, когда к спине что-то пристало и инородное тело мордой не достать.

В качестве смещенного поведения собака начинает встряхиваться, если неожиданно получает какую-то информацию, которая заставляет ее с напряжением ожидать чего-то приятного. При получении известия о событии, подразумевающем очень активное действие, собака нередко совершает серию интенсивных встряхивающих движений. Таким приятным событием является в первую очередь предстоящая прогулка — о ней собака узнает, наблюдая за сборами хозяина. Но встряхивающие движения она производит и тогда, когда поднимается со своего ложа, причем нет даже намека на что-то приятное. В этом случае встряхивание есть не что иное, как приведение в порядок шерсти, а то и просто потягивание после сна. На этом мы остановимся позже.

Чем больше собака, вставая с ложа, ожидает чего-то, тем сильнее она встряхивается перед тем, как начать двигаться. Я рассматриваю такие движения как своеобразный ритуал, который определенным образом влияет на других собак. В самом деле, заметив, что одна какая-нибудь собака поднялась и встряхивается, другая отвечает на это вполне определенной реакцией. Я неоднократно убеждался в этом на примере такс и скотч-терьеров: если одна собака, поднявшись, принимается активно встряхиваться, другая тотчас узнает, что ожидается нечто интересное. Мне, однако, не удалось установить, является ли это свойство приобретенным или же животные просто реагируют на шум от встряхивания благодаря врожденному инстинкту. Само по себе встряхивание, разумеется, не несет никакой социальной нагрузки. Но в сочетании с другими движениями и звуками встряхивание, сопровождаемое довольно громким звуком, легко приобретает характер сигнала. Если же, встряхиваясь, собака издает высокие пронзительные звуки, значит, она предвкушает приятные события.

Почесываясь, собака царапает или скребет туловище. Задней лапой она почесывает шею, грудь, бока, брюхо и уши. Те части тела, до которых невозможно достать задними лапами, животное обрабатывает ртом: вместо почесывания оно осторожно, быстро, пощипывая покусывает, часто сопровождая это облизыванием. Передней лапой собака почесываться не может, но пользуется ею иногда, чтобы удалить чужеродные тела с морды и неба.

Иногда собака садится и начинает ездить на «салазках». При этом она медленно передвигается на передних лапах, одновременно вытягивая задние вперед и сидя на «зеркале». Повидимому, дикие представители собачьих таким способом пытаются очистить задний проход от приставшего кала или круп-

ных глистов, размножившихся в прямой кишке. Случаи тяжело-го поражения глистами наблюдаются у собак нередко и вызы-ваются чаще всего сырой пресноводной рыбой. Следует отме-тить привычку собак поедать траву. К этому способу животное прибегает в основном при недомогании, вызванном неподходя-щей пищей или перееданием. Трава вызывает рвоту, после чего недомогание проходит. Но иногда собака ест траву и без види-мого плохого самочувствия: свежая, мягкая и влажная, она явно приходится ей по вкусу.

Поднимаясь после долгого сна, собака обычно потягива-ется лапами и всем туловищем. Это движение проще, чем у кошачьих: при потягивании собака вытягивает передние лапы вперед, а иногда — когда животное еще лежит — и назад, а так-же отводит задние лапы назад (поза, напоминающая движения при ходьбе) и одновременно вытягивает шею. Иногда собака делает несколько шагов вперед, волоча вытянутые задние лапы, и, как бы уподобляясь тюленю, волочит тело по земле. Одна из моих такс делала это регулярно вместо утренней зарядки. Во время потягивания собаки часто позевывают. Потягивания в принципе одинаковы у всех млекопитающих и птиц. Как по-лагают, такие движения способствуют улучшению кровообра-щения после продолжительного покоя. Так ли это, трудно ска-зать.

Если провести ногтями по шерсти, пощелкать и потом пока-зать пальцы собаке, она скорее всего примется их обнюхивать и тщательно изучать; при этом на ее морде отразится интерес, смешанный с отвращением. Животное связывает щелкающие звуки с уничтожением насекомых-паразитов. Собака, пойма-вшая клеща или нашедшая мертвое насекомое, обнюхивает его точно с таким же выражением. Если повторить опыт, она чуть ли не десятки раз подряд среагирует на щелкающий звук, даже если от пальца не будет исходить ожидаемый запах раздавлен-ного насекомого. Представители собачьих, живущие на природе, сильно страдают от кровососущих насекомых и клещей; встре-чаются они и у неухоженных собак, особенно лохматых, хотя уничтожать их современными способами несложно. Уничтожая блоху или клеща, собака производит щелкающий звук и потому реагирует на него и в других случаях — это врожденная реак-ция. Но ведь большинство наших собак, к счастью, не слышат щелчка от раздавливаемой блохи; есть среди них и такие, кому этот звук совсем незнаком, и тем не менее все животные реаги-руют на него вполне определенным образом. Запах пойманного, насосавшегося крови клеща надолго остается в памяти жи-вотного; в естественных условиях собака или волк зубами уничтожают насекомых и клещей. На протяжении трех лет ко-бели таксы не раз обнюхивали место на коврике в моем доме, где я однажды нашел живого клеща. На их мордах было не-двусмысленно написано: запах противный, но влекущий.

Повреждения, раны и раздражения на коже собака обычно зализывает. К такому врожденному способу поведения ве-теринары относятся не слишком положительно, потому что при современных методах лечения период залечивания ран или вы-здоровления обычно увеличивается, если собака постоянно за-лизывает больное место. Но для диких животных подобное по-ведение полезно: зализывание способствует очищению раны, к тому же передними зубами можно без особого труда вытащить, например, занозу из лапы, если только инородный предмет уда-ется ухватить. Собаки, находящиеся в дружбе, лизут друг дру-гу раны или больные места, только бы это не доставляло боли. Вообще собаки склонны рассматривать чужие раны. Нередко они с интересом разглядывают раны и царапины у хорошо зна-комых им людей; случается, собака с удовольствием принима-ется лизать рану человека. Но бывает, что, обнаружив у челове-ка царапину или рану, она быстро и с видимым неудовольст-вием отстраняется. На кусочки кожи, отслаивающиеся с за-живающей раны, животное реагирует так же, как на упавшего, наполненного кровью клеща.

Я уже говорил о позевывании в связи с потягиванием. Уз-нав, что ожидается что-то интересное, собака нередко начинает сильно зевать, одновременно она может издавать весьма свое-образные звуки. Односложный звук издается почти на предель-ной высоте; более сложные звуки, начинаясь высоко, затем па-дают. Кроме того, у разных особей это выражается по-разному. Очевидно, такое позевывание следует считать типичным сме-щенным поведением. Позевывание можно рассматривать как приготовление к ситуации, требующей от собаки больших физи-ческих усилий. Оно всегда сопровождается глубоким вдохом, улучшающим функциональную готовность. У некоторых собак, находящихся рядом с хорошо знакомыми людьми, позевывание наблюдается в форме смещенной реакции: они начинают как бы кусать руку, однако на самом деле ее не кусают. Лично я не нахожу этому удовлетворительного объяснения. Быть может, поза с открытым ртом вблизи другого животного настолько свя-зана с проявлениями агрессивности, что, раскрыв рот, собака обязательно должна направить это движение на какой-нибудь объект? Правда, укуса в такой ситуации опасаться не прихо-дится.

Очищая морду от остатков пищи, собака прижимается к чему-нибудь губами. Чаще всего она трется о мягкий предмет. Но чистить морду она может не только о мягкие предметы, ле-жащие на земле или на полу; так, мои скотч-терьеры после еды частенько чистят свои бородки и морды об одежду домочадцев, висящую в передней. Надо ли говорить о том, что результаты плачевные. То же они делают и находясь в гостях.

У многих собак чистка морды превращается в весьма при-ятный ритуал. Собака припадает грудью к земле и принимает-

С довольным видом (но без помахивания хвостом) собака трется спиной и шеей о зловонный предмет. Смысл этого действия неясен.

Собака чистит морду попеременно обеими передними лапами, потом трется мордой о землю. Она может даже упереться переносицей и имитировать чистку, хотя это место обычно и так чистое. Шею с боков она тоже порой трет о землю. Иногда собака бросается на спину и, изгибаясь, начинает совершать возвратно-поступательные движения.

Чистит морду животное обычно беззвучно, но, постепенно возбуждаясь, начинает издавать негромкие звуки: ворчание, позывы к лаю, не переставая вилять хвостом. Собака, чистящая морду, обычно сыта и довольна; само действие означает, что ничто не нарушает ее покоя. Перевернувшись на спину, она испытывает еще большее удовольствие, а встав, непременно встряхивается, чтобы привести в порядок шерсть.

Предстоящую трапезу почти все собаки встречают восторженно. Появление кого-нибудь из домашних с полной сумкой продуктов вызывает не меньший восторг. Я наблюдал это на примере собственных собак. Стоило мне сказать, что скоро будем готовить еду, как таксы валились на спину от удовольствия и терлись о пол. Обычно так ведет себя лишь очень довольная и сытая собака. Но она испытывает удовольствие и тогда, когда ожидает какое-то радостное событие. Валяние на спине и чувство удовлетворения связаны между собой.

Иногда собака делает быстрые движения передними лапами, имитирующие копание. Они весьма характерны, особенно если ситуация связана с едой. Чаще всего животное совершает их на чем-то мягком, в доме — обычно на коврике. Трудно сказать, связано ли копательное движение с чисткой морды — ведь перед едой морду чистить незачем. Представители различных пород ведут себя в этих случаях по-разному, но почти все, находясь в таком настроении, подпрыгивают и призывают к игре человека или других собак.

Если попытаться «очеловечить» ситуацию, то, пожалуй, можно было бы валяние на спине со всеми его нюансами назвать церемонией по случаю предстоящей трапезы или благодар-

ностью за еду. Как мне кажется, опытные собаки именно так понимают его смысл. Во всяком случае, когда одна из моих такс видит, как эти действия совершает другая, до нее тотчас доходит, в чем тут дело. Удивительно другое: собаки, получив что-нибудь на закуску перед едой, полагали, что это весь обед, и начинали активно совершать описанные движения, хотя отнюдь не насытились, а перед закуской настойчиво просили есть.

Видимо, у них выработался новый условный рефлекс. Подобную связь можно усмотреть в ситуации, когда собака приучена «давать лапу» и получать в качестве вознаграждения что-нибудь вкусненькое. Если «вкусненькое» заменить куском хлеба, от которого собака обычно отказывается, то она съест его без колебания.

Во многом чистку морды после еды напоминают движения, совершаемые в первую очередь длинношерстными собаками, когда они чистят морду и шею в свежем снегу. Три моих скотч-терьера поступали так почти всякий раз, когда выходили на улицу и убеждались, что снег подходящий. А самая первая из живших у меня такс лишь изредка производила начальные движения при условии, что снег был чистым, и начинала лаять. У остальных такс я не заметил ни малейших признаков такого поведения. «Купание» в снегу позволяет хорошенько очистить губы и шею. С этой целью животное задними лапами энергично проталкивается вперед, держа передние лапы почти неподвижно вытянутыми назад. При этом оно скользит по снегу то одним, то другим боком.

С вышеописанным поведением связано и не самое привлекательное действие, когда собака, всячески вертясь на спине, валяется в отбросах. Правда, в отличие от первых двух случаев это вызвано другими раздражителями. Таксы, наши общие любимицы и, как мы считали, хорошо воспитанные собаки, которым разрешалось изредка гулять без поводка, находили для этого самые разные нечистоты (экскременты лошадей, человека и птиц, дохлых мышей, тушу тюленя, высушенные трупы птиц, погибших от разлива нефти, дохлых рыб и т. п.). При этом особенно сильно грязнятся передняя часть спины и шея. Возбуждающе действует на собак и место, где ощущается зловонный запах; по выражению их морд можно судить, сколь велико у них желание вывалиться в отбросах. Любопытно, что, пачкаясь в пахучих веществах, собака не размахивает хвостом.

Что означает описанное действие, неясно. Высказывают предположение, что посредством резких посторонних запахов собака пытается заглушить собственный. Но вполне вероятно и прямо противоположное объяснение: добавляя посторонний запах к собственному, собака старается сделать себя более заметной. Отучить собак от этой привычки практически невозможно. Найдя что-то, на наш взгляд, дурно пахнущее, они —

по крайней мере в большинстве случаев — начинают валяться в зловонном месте или же трутся о него шеей, причем делают это хорошо зная, что наказание неминуемо. Своим таксам за это я устраивал купание в холодной воде, и хотя с самого начала по их мордам было видно, что они знают о суровом наказании, они поступали так каждый раз, когда находили нечистоты или падаль.

Собаки обычно не купаются, и если все-таки заходят в воду, то только в очень жаркий день либо в поисках подранка или упавшего в водоем предмета. В чисто гигиенических целях они купаться не будут. Правда, некоторые собаки явно наслаждаются, находясь в воде и даже плавая, причем делают это не по принуждению. Но и здесь их действия связаны с охотой или добыванием пищи либо продиктованы желанием освежиться.

Явно отрицательное отношение большинства собак к мытью и купанию выражается следующим образом: после купания, и особенно когда ее начинают вытирать, собака демонстрирует определенную агрессивность к купавшему ее человеку, например начинает активно возиться с полотенцем. При этом шерсть на спине у нее встает дыбом, чего не бывает при обычной игре. Сила и быстрота движений также указывают на то, что за игровым поведением кроется явно агрессивный настрой. Только социальные комплексы в отношении человека не позволяют ей разразиться настоящей злобой. Говоря о купании, отметим, что гладкая шерсть короткошерстной собаки в обычных условиях остается достаточно чистой и без мытья: очистительную функцию выполняет секрет сальных желез на коже, а кроме того, собака слизывает с шерсти даже комья грязи. Удалению грязи способствует также встряхивание мокрой шерсти и привычка во влажном виде тереться о мягкие предметы, например о подстилку.

Свои естественные надобности собака отправляет в тщательно подобранных местах. Эти функции относятся к поведению животного на собственной территории и рассматриваются в следующем разделе книги. Сейчас отметим только, что взрослые здоровые собаки никогда не загрязняют экскрементами место, где живут. Правда, здоровая собака иногда мочится в неподходящих, по мнению человека, местах. Это происходит преимущественно в тех случаях, когда источником возбуждения служит сука в состоянии течки. Мочеиспускание в необычных местах бывает также и у ложнобеременной или у суки, которой предстоит скоро ощениться. Причиной столь необычного поведения являются внутренние и внешние раздражители, трудно распознаваемые и малоизвестные человеку. Подобные поступки почти невозможно предотвратить, но, к счастью, животное, возвращаясь в обычное физиологическое состояние, больше их не совершает. Наказание мало что

дает и не рекомендуется: даже совершая проступок, собака знает, что может навлечь гнев человека, но все равно поступает по-своему.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОБАКАМИ

Общественная иерархия

В стае волков, группе упряжных собак и вообще при пребывании вместе хотя бы двух животных одно из них непременно занимает главенствующее положение. В повседневной жизни положение вожака среди других особей особо не проявляется, но становится заметным, если отношения между животными по какой-то причине стали напряженными или между ними возникло соперничество.

Как известно, часть года волк проводит в стае, другую часть — в окружении семьи либо в одиночестве. Подобная смена образа жизни, разумеется, предполагает, что в соответствии с этим поведение вида должно меняться. Обнаружение и поимка добычи предъявляют большие требования к врожденным инстинктам волка и к его способности в разных ситуациях вести себя наиболее целесообразно. Золотистый шакал и собакообразные — динго и парийская собака, которые, по мнению некоторых ученых, могли быть дикими предками собаки, — тоже проводят часть жизни в стае, по крайней мере в семейной. Остальное время они, подобно волку, живут как в семье, так и в одиночку.

У собаки, как и у волка, иерархическое положение особей одного пола определяется многими факторами и, вероятно, различными обстоятельствами. Иногда постоянное «общественное положение» формируется после жестоких единоборств двух собак, порой — без видимого соперничества. Обычно оно создается в результате различных демонстраций «бахвальства» и угроз. Большинство собак именно так решают свои взаимоотношения, не прибегая к драке. Настоящие схватки между взрослыми собаками, которые не отличаются особой агрессивностью, обычно происходят, лишь когда кобели ищут благосклонности суки, находящейся в состоянии течки.

Иерархия двух незнакомых собак может сформироваться, например, так: при встрече они будут вместе совершать действия, во многом напоминающие обыкновенную игру. Вместе с тем игра будет включать и элементы агрессивности, хотя производимые действия трудно отличить от звуковых сигналов и поз, характерных для игры. Через такое отчасти игровое поведение собаки могут сделаться друзьями, причем будет ясно видно, кто из них «старше по званию». По сути дела, определенность общественного положения является предпосылкой для дружбы. Дружба нередко проявляется лишь в том, что две собаки при

встрече либо вовсе не заметят друг друга, либо лишь на мгновение помашут хвостом в знак приветствия и мордой проверят встречный запах, после чего спокойно, хотя и чуть живее отправятся каждая своей дорогой. Что-то вроде: «Приятно было познакомиться, хорошо, что не пришлось демонстрировать силу или бояться». Но собачья дружба может также выражаться в том, что собаки, встретившись, начнут с удовольствием играть вместе или же самостоятельно отправятся на охоту в запретное место. Таким образом, дружба может быть связана с выполнением определенных совместных действий.

Обычно иерархическое положение двух собак одного пола — при условии, что выяснение отношений не сопровождалось стычкой, — будет таким же, как после жестокого единоборства. Суки и щенки занимают особое положение в иерархической лестнице. Социальные комплексы, которые суки вызывают у кобелей, а щенки у всех взрослых собак, очень сильны. Сука в большинстве случаев занимает более высокое положение, чем кобель одинаковых с ней размеров, а чаще даже выше положения значительно более крупного кобеля. В особых случаях положение вожака стаи (в том числе и семейной) может быть настолько желанным для соперничающих между собой сильных особей, что борьба между ними заканчивается яростными схватками, где даже комплексы, вызываемые сукой у кобеля, подвергаются проверке. С этой точки зрения весьма характерны рассказы о соперничестве санно-упряжных собак в районах Крайнего Севера за место вожака в упряжке. То обстоятельство, что вожак бежит впереди других, очевидно, является важнейшим фактором, вызывающим соперничество. Постоянное отставание от бегущей впереди собаки может вызвать агрессивные чувства по отношению к лидеру.

В условиях Финляндии собака никогда не бывает столь ярко выраженным стайным животным, как волк в зимнее время, — мы обычно не держим своих собак в стаях. К тому же, как нам представляется, приручение может снизить значение врожденных форм поведения, ведущих к образованию стаи вообще и к сохранению семейной группы. Большинство собак в нашей стране предназначено для одиночного использования, в крайнем случае по несколько одновременно, например для охоты, выпаса скота, сторожевых целей и т. д. В других случаях собаки вообще являются комнатными, и их нельзя по бытовым причинам держать в большом числе. Поэтому сильное стремление к образованию стаи, во всяком случае на поздних стадиях выведения пород собак, не имело явных селекционных преимуществ.

У суки ежегодно два периода течки, у волчицы — только один¹. Щенки собаки становятся половозрелыми, еще не достиг-

¹ У очень многих пород собак в году имеется только одна течка, например, у охотничьих лаек. Иногда сроки течки смещаются, и она наступает через 9—10 месяцев. — Прим. ред.

нув годовалого возраста, волчата обретают половую зрелость только в двух-трехлетнем возрасте. Именно этими факторами объясняется то, что у собаки гораздо меньше времени для общения с сородичами, чем у волка. Несмотря на это, в ней заложены все инстинкты, которые управляют взаимоотношениями между волками в стае.

Общественное положение взрослых собак определяется несколькими весьма простыми правилами. Безусловно, при этом имеется в виду, что у собак нормальный характер, так как животное с тяжелым характером или, наоборот, склонное к подчинению легко может занять в иерархической лестнице не подходящее ему место. Сука обычно занимает место выше кобеля, крупная собака — выше мелкой, сильная — выше слабой, обладающая сильным характером — выше слабохарактерной. Взрослая собака, как правило, стоит выше молодой, даже не уступающей ей в физическом развитии. Но это общие правила. Помимо настоящей агрессивности на положение в иерархическом ряду может влиять также склонность к играм или стайности. Обычно заранее нельзя предсказать, какая из двух не знакомых друг с другом собак, в целом психически нормальных, займет более высокое положение в иерархии. Лишь когда перед нами сука в состоянии течки и кобель, ответ ясен: кобель не будет использовать имеющихся возможностей, чтобы возвыситься над ней. Чтобы проиллюстрировать, как порой неожиданно может образоваться кажущаяся иерархия, приведу такой пример. Молодая собака, не имеющая даже опыта поединков, может занять более высокое положение, чем ей положено по возрасту и силе, лишь на том основании, что собака постарше просто решила не ввязываться в единоборство с незнакомкой, которая к тому же редко попадается ей на глаза. Другими словами, собака постарше недостаточно возбудилась, чтобы сокрушить молодую, ей требуется равная соперница. Но если бы обе собаки жили под одной крышей, старшая непременно добилась бы от молодой подчинения. Там, где выясняются отношения, все решают сила и мощь.

Иерархия собак изучена весьма основательно. Объектами изучения были в первую очередь предоставленные самим себе щенки в питомниках, а также группы молодых собак. Иерархия, которая образуется сравнительно быстро по мере того, как щенки взрослеют, не обязательно бывает прямой. Предположим, что иерархия в группе собак ABCDEFG такова, что А — сильнейшая, а G — слабейшая особь. Прямая иерархия означает, что А сильнее всех остальных особей, В сильнее С — G и т. д. Если иерархия у всех особей не прямая, положение может быть таким; F может доминировать над D, тогда как D будет выше E, которая в свою очередь выше F. Такие частичные отклонения от линейной иерархии весьма обычны. Ведь иерархия основывается на пробе сил, которая не обязательно выливается в на-

почерпнуть понимание взаимоотношений между собаками, но и сделать непосредственные практические выводы. Содержание собак в питомниках в тесных неизолированных клетках, в которых они почти ежеминутно оказываются близко друг к другу, вызывает у сильных особей определенную агрессивность, а у слабых — страх. Все это способствует развитию стрессовых состояний и излишнего беспокойства; становится понятной психическая неуравновешенность содержащихся в питомниках собак, что, без сомнения, отражается на их работоспособности и воспроизводстве потомства.

В книге дан подробный анализ поведения собак в период размножения, во время щенения и выхаживания щенков. И хотя автор неоднократно подчеркивает, что не дает ветеринарных советов, внимательный читатель найдет их в описаниях, которые проливают свет на весь процесс размножения собак и позволяют даже неопытному любителю четко представить поведение собаки в разные периоды ее жизни.

Как видно из описания поведения щенков, у двух-трехмесячных малышей ярко проявляется «рефлекс следования» (по терминологии Д. В. Терновского), когда они бегут за любым движущимся существом или предметом, что часто огорчает и приводит в недоумение хозяина, хотя такое поведение щенка чисто рефлекторное и естественное.

С практической точки зрения очень важен раздел «Привыкание», в котором говорится о взаимоотношениях между собаками и, что особенно интересно, об отношении собаки к человеку. Привыкание — это своего рода обучение, приучение собаки к человеку, образу его жизни и требованиям, иными словами, развитие контактов и воспитание удобной для совместной жизни собаки. Из этого раздела следует, что питомники надо использовать в основном для получения племенного поголовья, а отнюдь не для выращивания и воспитания собак. Чтобы получить полноценную служебную собаку, ее должны воспитывать индивидуальные владельцы. Как пишет Бергман, «даже полицейские овчарки должны быть привязаны к человеку, поскольку от них требуются послушание и выдержка».

Интереснейшие наблюдения мы находим в разделе об особенностях поведения собак, где показано, что такое «умная» собака и каким образом она становится такой. Автор подчеркивает важность способности собаки к самостоятельному обучению, приводит примеры превосходной собачьей памяти, наблюдательности, способности к ассоциативному мышлению. Разумеется, желание учиться и способности у отдельных особей весьма различные как среди представителей одной породы, так и разных пород. Собаки с более подвижной нервной системой обучаются легче, и диапазон их «знаний» значительно шире, чем у их более флегматичных собратьев. Как известно, особым «умом» отличаются охотничьи лайки, которым на охоте

приходится работать самостоятельно (разыскивая дичь), но в контакте с охотником. Эти собаки с человеком работают «на равных». Они должны очень хорошо ориентироваться, знать повадки объектов охоты, поэтому и в быту они проявляют незаурядный ум.

Радость, печаль, разочарование, ревность, любовь — все эти человеческие чувства свойственны и собакам, причем у них та же основа, что и у человека в аналогичных ситуациях, и последствия их сходны с человеческими. Собака способна понимать не только жесты и слова, но и настроения человека и даже «читать» его мысли. К тому же она обладает «чувством юмора». Все это совершенно верно описано в книге Бергмана, и мы вполне разделяем выводы автора. Однако ряд моментов вызывает у нас возражения.

Прежде всего — вопрос о происхождении собаки. Как нам представляется, автор излишне категорично утверждает, что собака произошла от волка; он даже пишет: «Основные характеристики волка удивительно хорошо сохранились даже у собак самых типичных декоративных пород. Именно они „сделали собаку собакой“». С таким утверждением согласиться нельзя. Собака как вид возникла не в результате сохранения общих признаков с волком, а в результате приобретения совершенно новых качеств. От волка в его современном состоянии получить собаку невозможно. Даже гибриды волка и собаки, полученные случайно или целенаправленно в эксперименте (см., например, исследования А. Т. Войлочникова), в итоге возвращаются к исходным формам. Новой породы из такого гибрида получить не удалось, тогда как и по сей день из сочетаний разных пород собак продолжают создавать новые породы. Поэтому мнение о том, «что в качестве предков собаки могут рассматриваться прежде всего волки Юго-Восточной и Южной Азии», не совсем точное. Правильнее сказать, что собаки и волки когда-то имели одного волкоподобного предка. Произошла дивергенция, ветви разошлись, и образовались два очень близких генетически и морфологически, но самостоятельных вида. На общность происхождения собак и волков указывает множество признаков; главные из них — одинаковое число и набор хромосом, способность легко скрещиваться и давать жизнеспособное и плодовитое потомство.

Бергман справедливо утверждает, что к «собакам и в более поздние времена могла приливаться свежая кровь от волка». Скрещивание волка и собаки изредка происходит и сейчас, причем как в северных регионах, так и на юге, преимущественно в степных и полупустынных. Однако такое скрещивание не приводит к появлению новых пород и, как правило, кончается истреблением гибридов. Чаще же волк при встрече с собакой уничтожает ее, считая собаку наряду с человеком своим злейшим врагом или легкодоступной жертвой. Волка приручают,

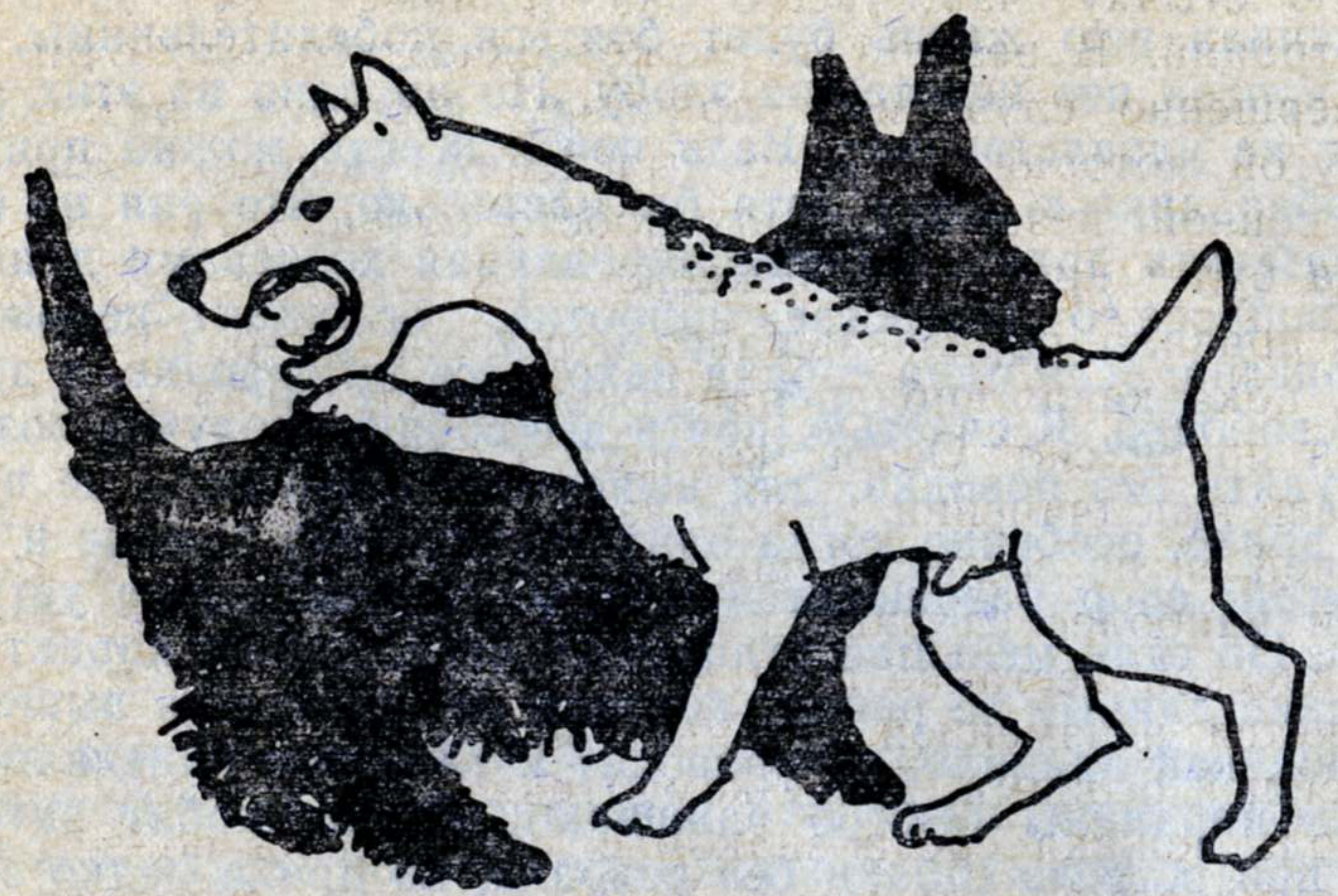
стоящую стычку, чаще всего она принимает вид энергичных демонстраций. В результате может оказаться, что одна особь по совершенно случайным причинам добьется превосходства над другой, которая в момент выяснения отношений может оказаться сонной, нездоровой или просто сытой, тогда как ее соперница будет крайне возбуждена да к тому же голодна.

Как правило, образовавшаяся иерархия долгое время сохраняется, пока какая-нибудь напряженная ситуация не приведет к новой пробе сил. Особь, которая в описанном выше случае оказалась в подчинении, может взять верх над другой, примерно равной ей по силам. Лишь явно слабые особи, с одной стороны, и наиболее сильные и мощные — с другой, занимают в иерархической лестнице свои истинные места. Иерархия долго сохраняется неизменной главным образом между сильнейшей и слабейшей особями. Даже комнатная собака способна выполнять роль вожака среди знакомых собак, пока по возрасту в состоянии занимать это место. В большинстве случаев до конца жизни собака сохраняет свое главенствующее положение над теми, кого «в лучшие годы» ей удавалось сокрушить.

На иерархическое положение могут влиять отношение хозяев к своей собаке, а также их настроение. По существу, хозяева нередко, сами того не сознавая, косвенно определяют отношение здоровой или мягкой по характеру собаки к другим собакам, которых она часто встречает на прогулках. Если хозяин поддержит агрессивность своей собаки по отношению к другой, то она, очевидно, будет «бахвалиться» больше, чем при отрицательном отношении к ее поступку. Так ей удастся достичь несколько более высокого положения чем то, на которое она могла рассчитывать по своим силам без содействия хозяина. А для такого содействия достаточно, чтобы хозяин ни жестами, ни позой не выразил своего отрицательного отношения или неуверенности. Если же собака по поведению человека поймет, что ее поведение чревато опасностью, то она отнесется к встречной слабой собаке по-иному. В такой ситуации животное далеко не всегда сумеет добиться желаемого превосходства. Правда, иногда неуверенность вызывает агрессивность.

Настроение хозяев очень влияет на чувствительную собаку, но даже животное с относительно твердым характером может оказаться ему подверженным. Моя старшая такса, обладавшая довольно твердым характером, во время прогулки решительно отказывалась идти с женой через парк, где временами бывало беспокойно и где женщине не очень-то приятно идти одной. Но когда той же дорогой мы с женой шли вдвоем, собака охотно следовала за нами, не испытывая никакого страха.

Я уже говорил о том, что иерархия собак частично, хотя и не в решающей мере, определяется самими их владельцами. Это касается прежде всего маленьких и средних по размеру

Ситуация, когда две собаки настроены крайне агрессивно друг к другу, однако социальные комплексы не позволяют им вступить в драку. Обе повернулись спиной, отведя головы в стороны.

городских собак. Люди, взявшие собаку в дом, должны умело справляться с конфликтами между собаками, не допуская драк.

Встреча с другой собакой, уступающей по положению, придает животному особую уверенность в движениях и во всем внешнем облике. Это очень легко заметить. Случается, что собака, сознающая свое превосходство, как бы игнорирует идущую навстречу более слабую собаку. Такое отношение уже само по себе указывает на полное отсутствие страха. Между тем слабая всем своим поведением покажет, что заметила сильную: она не станет прямо смотреть на нее, но будет внимательно следить за ее действиями. Отведение взгляда в сторону или даже поворот головы — реакции врожденные, назначение которых — еще издали продемонстрировать отсутствие агрессивности. Это служит также косвенной защитой от нападения сильной особи: приводятся в действие ее врожденные сдерживающие комплексы. Позы и движения, о которых речь шла выше, относятся к автоматическим инстинктивным действиям. Врожденными являются и сдерживающие комплексы. Позы, иллюстрирующие подчинение, служат действенной защитой от нападения агрессивно настроенной сильной особи.

Собаки с дурным характером, которых постоянно выгуливают на поводке, могут относиться друг к другу весьма агрессивно. Злобный нрав таких животных доставляет их владельцам немало неприятностей. Разумеется, жестокой дрессировкой можно заставить собаку вести себя более сносно; можно также позволить двум собакам выяснять отношения в драке, и тогда

побежденная всю жизнь будет бояться победительницы, а та затаит против нее некоторую злобу. Но ни одно из этих решений нас не удовлетворяет. Ведь почти всегда можно приучить двух собак друг к другу хотя бы настолько, что они не будут сразу затевать драку. Санкционированная хозяевами драка не решит вопроса о лидерстве, напротив, осложнит положение. Очень опасно, если одна собака находится на поводке, а другая гуляет свободно. К счастью, почти все собаки, получив возможность гулять без поводка, для выяснения отношений не прибегают к драке, особенно когда одна значительно больше и сильнее другой; спор разрешается просто: слабая тотчас уступает сильной. Но если меньшая отличается агрессивным характером, физические данные не решат, которой из них стоять выше.

Драки, как правило, не приводят к тяжелым ранениям. Небольшие царапины быстро заживают. Очень любят затевать стычки при встрече собаки без поводка, но драка редко становится опасной. Даже если началась драка, сдерживающие комплексы и отчасти связанные с ними движения и позы подчинения не допускают, чтобы дело приняло опасный оборот. Обычно более слабая собака вскоре демонстрирует свою покорность, но и в столкновении двух примерно равных по силе собак защитные комплексы играют весьма заметную роль. Не будь их, собачьи драки и в самом деле были бы такими опасными, какими они кажутся со стороны. Демонстрация подчинения сокращает продолжительность стычек и тем самым уменьшает их опасность либо делает саму драку бесполезной. Есть, однако, особи — их немного, — которые склонны набрасываться на любую собаку, которую, как им кажется, они в состоянии одолеть. Подобное поведение объясняется либо явным отклонением в характере, либо неправильным воспитанием.

Поскольку взаимоотношения собак во многом определяются характером их первой встречи, важно постоянно следить за тем, чтобы знакомство не заканчивалось серьезной ссорой.

Встреча двух незнакомых собак — если в дело не вмешивается человек, воздействующий на одну из сторон, — обычно происходит примерно так: приближаясь друг к другу, собаки замедляют шаг и как бы застывают на месте, «демонстрируя силу». Хвост слегка приподнят, и мимика показывает, что обе, если потребуется, готовы к драке. В большинстве случаев шерсть на спине поднимается; очень агрессивные собаки могут заворчать и даже оскалить зубы. Но даже такая, казалось бы, опасная ситуация редко переходит в драку — собаки с максимальной настороженностью изучают друг друга. При этом основное внимание они обращают на запахи из-под хвоста.

Если происходит встреча собак разного пола, кобель вскоре начинает размахивать хвостом и все явственнее демонстрирует другие признаки угасания агрессивности. Что же касается суки, то она какое-то время может оставаться «высокомерной», хотя

Отцу достаточно одного взгляда, чтобы подчинить себе покорного щенка.

и у нее агрессивность спадает: ведь противник своим поведением определенно продемонстрировал отсутствие агрессивных намерений и согласие подчиниться. Встреча двух собак одного пола также может протекать спокойно, даже если начало казалось угрожающим. Внимательно изучив друг друга и даже поворчав негромко, собаки начинают понемногу проявлять признаки примирения. Это выражается прежде всего в том, что одна из них начинает слегка вилять хвостом, хотя по-прежнему готова к нападению. Вслед за этим и у другой собаки хвост приходит в движение. Тогда первая начинает махать хвостом все сильнее и опускает его ниже. Если происходит встреча двух кобелей, то они на этом этапе обмениваются «визитными карточками», оставляя свои метки у ближайшего столба, после чего расходятся каждый своей дорогой, но по-прежнему держатся «высокомерно».

Случается наблюдать и другую картину. Изучая друг друга, собаки «бахвалятся» все сильнее, ворчат все громче, скалят зубы, и вдруг вспыхивает яростная драка. В этом поединке сторона, которой с самого начала не удавалось наносить удары или которая оказалась в невыгодной позе или позиции, может в разгар драки продемонстрировать сопернику движение либо позу, выражающие покорность или мольбу о пощаде. Это приводит к тому, что победитель, даже будучи крайне агрессивен, не станет кусать побежденного. Побежденная собака вытягивает шею и одновременно слегка опускает морду вниз и в сторону от противника. Тем самым она как бы подставляет уязвимые места — шею и грудь — под удар противника, но именно эта поза страхует от укусов. Дерущиеся собаки обычно не кусают в уязвимые места, если же побеждаемая собака преднамеренно откроет их для нападающей, последняя вообще воздержится от любых укусов. Это объясняется сдерживающим комплексом. Тем не менее взаимное агрессивное ворчание будет продолжаться; сохранится и агрессивное состояние, хотя угрозы в драку не переходят. Слабой собаке лучше всего ретироваться, отойти подобру-поздорову в сторону. Но это может

спровоцировать ее соперницу на продолжение драки. И тогда слабой снова придется демонстрировать покорность. Когда она отведет голову, сильная собака положит лапу ей на спину, и побежденной не останется ничего другого, как принять этот «демарш» победительницы. На ее же долю выпадет только ворчание да, несмотря ни на что, высоко поднятый хвост. Чаще всего драка после нескольких кульминационных моментов заканчивается тем, что выражения покорности со стороны побежденной умеряют пыл победительницы, и побежденной удается благополучно убраться восвояси, а победительница более не рвется в бой.

Когда собак ведут на поводке и они не могут свободно приблизиться друг к другу, возможность возникновения настоящей драки или попытка затеять ее значительно больше, чем в тех случаях, когда им позволено знакомиться самостоятельно. К тому же собаки на поводке подвержены большей опасности нанести друг другу повреждения. Если одна из собак на поводке начинает облаивать другую, та отвечает тем же. Агрессивные движения и звуки вызывают аналогичные реакции у противной стороны. Таким образом собакам на поводке удается разрядить свою агрессивность. Но два-три таких, казалось бы, безобидных облаивания могут сделать собак заклятыми врагами, во всяком случае, на то время, пока при встрече их держат на поводке. Когда же им случится встретиться без поводка, результат чаще всего один: собаки мгновенно набрасываются друг на друга. Развертывается настоящее сражение: ведь ни у одной из сторон не было опыта общения с соперником, из которого можно было бы узнать, насколько тот опасен. Поэтому очень важно, чтобы собакам на поводке позволяли знакомиться с сородичами, которых во время прогулок они видят почти ежедневно. Главное — не позволять ни одной из них продемонстрировать агрессивность и вместе с тем дать возможность обнюхать соперницу. Знакомство происходит наиболее безболезненно, если новичок был представлен «местному обществу» еще щенком. Если собака подчиняется и формы ее поведения демонстрируют это, то агрессивность ее соперницы снижается.

Довольно часто наблюдаются промежуточные комбинации поз, вызывающих агрессивность собак, а также поз и действий, демонстрирующих подчинение. В драке движения животных настолько быстры, что трудно уловить детали. Это можно сделать лишь с помощью замедленной киносъемки. Когда одна из собак в агрессивном состоянии делает движение, вызывающее у соперницы сдерживающие комплексы, обе собаки держат хвост достаточно высоко.

Ситуация, вызвавшая агрессивность, может длиться довольно долго. Мне приходилось наблюдать, как после стычки мои таксы (отец и сын) примерно сутки не могли наладить дружеских отношений, причем агрессивнее был настроен сын. Когда

ссорились суки, картина была примерно та же. Правда, чем чаще они встречались после драки без агрессивных действий, тем быстрее подчиненная особь начинала спокойно относиться к победительнице. Ведь сильное животное не злопамятно к тем, кто ниже его по положению.

Но если две собаки, которые обычно не находятся вместе, в процессе драки не выявили победителя, а потом через довольно продолжительное время встретились вновь, они скорее всего бросятся друг на друга. Желание возобновить или продолжить неоконченный спор за лидерство может длиться годами. И в этом я вижу еще одну причину, по которой следует знакомить собак, но в то же время строго пресекать их малейшие попытки связаться в драку.

Надо заметить, что собака, во всем проявляющая свое превосходство, далеко не всегда пользуется этим преимуществом. В этом усматривается явная аналогия с поведением волка. Как показывают наблюдения, драки в волчьей стае случаются довольно редко; чаще всего сильнейший член стаи отличается спокойным характером. Волки в обычных условиях его не боятся, во всяком случае, не демонстрируют страха и не провоцируют агрессивность своим бегством. Поддержание доминирующего положения обусловлено, по-видимому, следующим: все члены стаи усвоили, что сильный в состоянии их одолеть, но в то же время он никогда не нападает без причины. Сходная картина наблюдается и у собак, они так же относятся к слабым или низкостоящим на иерархической лестнице особям. Нередко можно заметить, как слабая провоцирует сильную, но та совсем не реагирует на подначки, так как всегда в состоянии поступить по-своему. Только в тех случаях, если обе будут стремиться к соперничеству, сильная особь быстро и без труда, за счет одной демонстрации силы покажет свое превосходство.

Вместе с тем нередко собаки, достигшие весьма почтенного возраста (таких обычно не очень легко подбить на какое-то действие), скорее посторонятся, чем станут доказывать более молодым и менее крупным собакам свое превосходство. Во время прогулки собака может показать хозяину, что предпочитает быстрее перейти на другую сторону, чем встретиться с задиристой маленькой собачонкой. Если же встреча все-таки неизбежна, старшая собака без труда заставит молодую выскочку проявить к себе уважение. Но дряхлеющее животное будет все реже демонстрировать «высокомерие», что в конце концов приведет к потере ее прежде доминирующего положения среди молодых собак. И все-таки для многих сородичей, знавших ее «в лучшие годы», она по-прежнему будет авторитетна. Ведь собакам, встречающимся на прогулке, не надо выяснять подлинное соотношение сил. Вот почему положение, завоеванное собакой однажды, нередко сохраняется до глубокой старости.

Я уже упоминал о том, что «социальное положение» суки в

большинстве случаев выше, чем кобеля. Обычно это правило действует независимо от того, каков кобель — крупный или мелкий, с твердым характером или покорный. Но маленькая сука, проявляя агрессивность, далеко не всегда сразу почувствует, что крупный кобель уклоняется от драки. Правда, это не значит, что он откажется, скажем, от кости, которой сука хочет завладеть. Случается, что склонный к покорности кобель, живущий в одном доме с сердитой сукой, не решится даже ответить на ее призыв к спариванию, настолько он привык к ее недружелюбному отношению. В таких случаях тщетными оказываются даже откровенные призывы.

Чаще всего очень маленькие суки поначалу побаиваются крупных незнакомых кобелей. Однако, когда они познакомятся — а это не представляет особых трудностей, — боязнь пройдет, хотя и в дальнейшем сука будет относиться к своему партнеру с некоторой настороженностью, — «ведь он такой солидный». Знакомство маленькой собаки с большой, одного с нею пола, сопряжено с некоторыми трудностями (за исключением тех случаев, когда одна из них совсем молодая).

Животное, не имеющее отклонений в характере и поведении, обычно слабо реагирует на щенков или на молодых собак, не достигших половой зрелости. Те могут поворчать или даже проявить известную агрессивность, но старший пес не рассердится. Это свидетельствует о том, что у собаки сильны сдерживающие комплексы, не позволяющие ей относиться агрессивно к подрастающему поколению. Эти комплексы, безусловно, очень важны, в противном случае сильные или злобные собаки старшего возраста могли бы легко увечить молодых и неопытных. В то же время щенки и молодые собаки своим поведением очень ясно показывают «старикам», что не собираются на них нападать. Позы и движения, выражающие покорность, чрезвычайно характерны для щенков и «подростков». Когда молодая собака встречает на своем пути агрессивную особь постарше, движения покорности становятся особенно выразительными. И они, разумеется, чаще всего определяют отношение старшей собаки к щенку. Это своеобразная двойная гарантия того, что старшая не станет использовать свою силу во вред молодой. Вместе с тем встречаются и аномальные, склонные к нападению молодые собаки, а у некоторых взрослых почти полностью отсутствуют сдерживающие комплексы; при встрече двух таких собак исход поединка может быть роковым. Ведь собака, совершая нападение, обычно вызывает у соперницы защитную реакцию в виде агрессивности. Лишь если объектом нападения стал слабенький щенок, сдерживающие комплексы настолько сильны, что взрослая собака его не укусит. При этом пол не имеет значения.

Надо отметить, что среди старых собак встречаются и такие, которые попросту не любят щенков, хотя и не питают к ним злобы. И здесь пол не имеет решающего значения. Жившая у

меня сука скотч-терьера не терпела кобелька той же породы. Правда, настоящей злобы у нее не было: просто она давала знать, что нечего к ней приближаться. Но случается в такой ситуации, что собака постарше может сильно покусать щенка. Когда взрослая собака и щенок встречаются впервые, нужно внимательно следить за развитием событий. Заранее трудно предугадать, как старая сука встретит взятого в дом или пришедшего в гости щенка. Чтобы не случилось неприятности, необходимо знакомить между собой собак, которым предстоит проводить много времени вместе. Лучше всего это делать, пока одна из них щенок или совсем молодая собака.

Взрослое животное может «выразить порицание» разыгравшемуся щенку, который ему мешает: укусит нежданного пришельца, да так сильно, что тот взвизгнет и заскулит. Такое случается и в тех случаях, когда взрослая собака проявляет к щенкам достаточное дружелюбие. «Уважение» щенков к родителям, чаще всего к матери, просматривается довольно четко. Повзрослев, они все равно будут чувствовать свое подчиненное положение. Нужна сильная встряска, чтобы исчезла сформировавшаяся в детстве покорность и молодая собака заняла ту ступень иерархической лестницы, которая принадлежит ей по праву. Крупная собака может годами покорно относиться к живущей в доме маленькой подруге независимо от ее пола, и, скорее всего, так никогда и не возникнет случая, позволяющего выяснить их старшинство. Но те же собаки, живя, например, в питомнике, рано или поздно вступят в ссору, чтобы выяснить истинное соотношение сил.

В волчьей стае вначале тоже наблюдается явное подчинение молодого волка, но затем активные движения и позы, а иногда и драка из-за лакомого куса помогают установить его общественное положение в соответствии с подлинной силой и полом. При этом в первую очередь определяется соотношение сил среди молодняка, а позднее наиболее сильные молодые особи постепенно возвышаются над старшими. «Воспоминания детства» у живущих на воле собак не очень долго довлеют над молодой собакой, хотя и могут в некоторых случаях отражаться на поступках животного всю последующую жизнь.

Прочитав о том, как собакам с помощью агрессивных действий приходится находить «место под солнцем», читатель вправе спросить: а проявляют ли вообще собаки спокойствие и дружелюбие во взаимоотношениях между собой или же они постоянно агрессивны и насторожены? Ответ ясен: животное, привыкшее к обществу себе подобных, обычно настроено весьма миролюбиво независимо от собственной силы, пола и возраста. Собака, воспитанная в стае, относится к ее членам столь же мирно, как домашняя собака к окружающим людям. Только когда ситуация побуждает к соперничеству, расстановка особей

«по ранжиру» обретает смысл. Это можно проследить и по поведению стаи вожков в естественной обстановке.

Что же касается животных, находящихся в тесных клетках, то здесь мы видим иную картину: в неволе они почти ежеминутно оказываются так близко друг к другу, что это вызывает у сильного определенную агрессивность, а у слабого — страх. Соперничество из-за пищи тоже происходит необычным путем, поскольку ни одно животное не в состоянии ретироваться. Все это способствует развитию беспокойства. Между тем на природе те же особи, имея свободу перемещений, будут вести себя так, что в стае подолгу сохраняется спокойная обстановка. Однако соперничество и выяснение отношений все равно происходит — иерархия возникает, закрепляется и лишь время от времени меняется. Вместе с тем это не означает наличия постоянных напряженных взаимоотношений в стае. Будь это так, стая распалась бы. Вероятно, собаки в этом смысле находятся в менее благоприятном положении. Лично я допускаю, что какая-нибудь слабая собака, живущая в питомнике, может оказаться объектом столь сильного постоянного давления, что это повлияет на ее поведение и развитие.

У животных, живущих на свободе, положение в сообществе в качестве его членов служит своеобразным регулятором численности: при нехватке пищи слабейшие гибнут. Сильные, крупные или по крайней мере изворотливые особи находят больше пищи и защищают ее удачливее, чем слабые и неопытные. Но даже относительно слабая особь, будучи голодной, способна бороться за лучший кусок, а сильная, насытившись, не очень-то расположена к пробе сил и выяснению отношений. Ту же картину легко наблюдать и у собак.

Случай, о которых я собираюсь здесь рассказать, должны показать читателю, как положение двух совместно живущих собак сказывается на их повседневных отношениях. Речь снова пойдет о таксах, которые жили у меня в доме. Все они с удовольствием спали в одной постели, но, увидев, что одна сука уже находится там, вторая прыгала на постель с опаской. Что касается кобелей, то отцу ничего не стоило вскочить на лежащего сына, тот же долго колебался и даже просил помощи у человека, если отец уже занял свое место в постели. На освещенный солнцем стул все таксы прыгали, не обращая внимания на тех, кто там находился. Они никогда не ели одновременно из одной миски, тогда как сука скотч-терьера и ее дочь ели именно так. Такса-мать постоянно прогоняла дочь, если та решалась просто приблизиться к миске. Такса-отец не прогонял сына, он лишь строго смотрел на него, и тот уходил в другую комнату еще до раздачи пищи. Такса-мать относилась к числу гурманов и ела быстро, дочь же спешить не любила. Когда намечалось явное различие между содержимым мисок, мать неожиданно набрасывалась на дочь и поедала остатки пищи в ее

миске, чему дочь не могла воспрепятствовать. Мать во время нападения демонстрировала все признаки агрессивности и часто кусала дочь за уши или в шею, а та не способна была сколько-нибудь противостоять ей. Она ворчала и рычала, но все попытки нанести ответный удар заканчивались полной неудачей. За долгие годы насчитывались сотни таких стычек. Но если у таксы-матери от них не осталось и царапины, то у дочери на ушах, морде и шее было множество рубцов. Вдобавок на старости лет мать смекнула, что вполне может нападать на дочь, когда та ест в другой комнате. Так что пока они ели, за ними нужен был глаз да глаз. Бывало, мать, съев примерно половину своей порции, уплетала большую часть порции дочери, а затем возвращалась к своей миске; покончив с ней, она снова бралась за дочерину и доедала ее содержимое. Когда она приближалась к миске дочери, та становилась такой агрессивной, что не могла есть, а, ворча и лая, стояла позади матери, пытаясь на нее наброситься. Но так как мать ела низко опустив голову, наскоки не представляли серьезной угрозы. К тому же, по-видимому, поза матери напоминала позу покорности, препятствующую настоящему нападению. Нежелание дочери есть из «свободной» миски объясняется, вероятно, тем, что, находясь в столь агрессивном состоянии, собака не реагирует на еду как обычно.

Что же касается кобелей таксы, то они оба едят одинаково быстро. Отношения между ними более равноправные. Отец не бросает свою миску, чтобы сбежать в соседнюю комнату и поживиться порцией сына. С другой стороны, когда обоих кормят в одной комнате, сын не решается приняться за еду, и отец съедает две порции. Правда, должен откровенно признаться, что с дисциплиной у моих собак дело обстоит не лучшим образом. Более строгое воспитание помогло бы младшей таксе избавиться от дерзких выходок матери, а сыну позволило бы спокойно есть в присутствии отца. Но с этологической точки зрения ситуация оказалась настолько интересной, что я счел за благо не вмешиваться.

В промежутках между едой отношения между собаками были, как правило, хорошие, и проблема лидерства не выступала на первый план. Проходило немало времени, прежде чем выяснялось, кто над кем доминирует и в какой степени. В некоторых случаях младший не желал уступать дороги старшему, иногда такса-мать, крупная и тяжелая, не сразу, но настойчиво сгоняла дочь с насиженного обеими ложа: она как бы скатывала ее в сторону, а дочь не сопротивлялась этому. Во время прогулок дочь почти всегда оставляла свои «визитные карточки» поверх «визиток» матери. То обстоятельство, что старшая такса почти всегда метила первой, отчасти объяснялось ее более спокойным нравом. У кобелей подобной очередности не наблюдается, хотя тоже прослеживается тенденция одной «визиткой»